

ЧАРЛЗ ТОДД

НАСТОЯЩИМ ЦЕНИТЕЛЯМ
АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО
ВИНОВНОСТИ

Инспектор Иен Ратлидж

Чарлз Тодд

Доказательство виновности

«Центрполиграф»

2013

Тодд Ч.

Доказательство виновности / Ч. Тодд — «Центрполиграф»,
2013 — (Инспектор Иен Ратлидж)

В одном из благополучных кварталов Лондона обнаружен труп сбитого автомобилем мужчины. Документов и денег при нем не обнаружено, единственная улика – дорогие золотые часы в жилетном кармане. Примерно в то же время к маяку на побережье Суссекса волны выбросили тело другого мужчины, также без денег и документов. Расследуя дело, инспектор Скотленд-Ярда Иен Ратлидж выходит на известную фирму, основанную двумя уважаемыми семействами, и вскоре нащупывает некий криминальный сюжет. Но он должен быть очень осторожен, потому что смерть идет за ним по пятам...

© Тодд Ч., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	34
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Чарлз Тодд

Доказательство виновности

*Посвящается Отто Пензлеру
и всем сотрудникам Mysterious Bookshop.
За все, что вы сделали для детектива в целом,
для авторов и любителей детективов во всем мире.
За вас!*

Глава 1

Порт Фуншал, Мадейра, 3 декабря 1916 г.

Потом он так и не смог вспомнить, что привело его в порт.

Тогда же, глядя на мачты британского корабля-кабелеукладчика «Дакия», он поймал себя на том, что думает об Англии.

Говорили, что «Дакия» перетаскивает в Брест германский телеграфный кабель, проложенный в Южную Америку. Он не знал, так это или нет. Но «Дакия» и французская канонерка «Сюрприз» самым неожиданным и страшным образом принесли на Мадейру войну.

Англия вступила в войну в августе 1914 года. Но Португалия и, следовательно, Мадейра¹ сохраняли нейтралитет, несмотря на давний союз с Великобританией и на отдельные стычки с Германией в своей африканской колонии Анголе. Во многом благодаря нейтралитету Португалии он и решил поселиться на Мадейре. Его бабушка происходила из семьи квакеров, и сам он испытывал отвращение к любому насилию, а также к ненужным тратам, которые несли с собой войны.²

Он обернулся и поднял голову. Мадейра – остров вулканического происхождения, с умеренным климатом и плодородной почвой. Настоящий цветочный рай... Его мать обожала цветы. С гор наползали тучи, скрывшие самые высокие вершины, но он еще видел шпиль своего дома, стоявшего на мысу на другой стороне бухты. Здешний дом, трехэтажный, как почти все постройки в Фуншале, на его взгляд, был гораздо красивее, чем особняк в Эссексе, в котором он родился и вырос. С тонкостями местного виноделия его познакомил покойный дедушка, Хауард Френч, отец его матери. На Мадейру он приехал мальчиком; здесь вырос и возмужал. Жил в этих местах как в ссылке, но в ссылке приятной, радостной.

Краем глаза заметив вспышку, он круто развернулся назад, к бухте, и увидел, что из корпуса «Дакии» идет густой черный дым. Сначала он не поверил собственным глазам. Что там случилось? Тут раздался еще один мощный взрыв, уничтоживший канонерку «Сюрприз». У него над головой, в парке «Гранд-отеля», кто-то кричал:

– Смотрите, смотрите – там подводная лодка!

Вблизи воды голоса слышались особенно ясно и четко.

Не тратя напрасно времени на поиски субмарины, он бросился бежать к центру города. За спиной слышались новые взрывы. Жители Фуншала выбегали из домов и застывали на месте, разинув рты, не веря собственным глазам. Один раз он тоже обернулся, поддавшись искушению. В том месте, где еще недавно стояла «Дакия», к небу поднимались исполинские столбы

---

¹ Архипелаг Мадейра является автономным регионом Португалии.

² Квакеры отрицают насилие. Среди них широко распространен пацифизм и отказ от военной службы. (Здесь и далее примеч. пер.)

черного дыма. Новые торпеды попали в «Дакию», в «Сюрприз» и в третий корабль, «Кенгуру», стоявший рядом.

Кто-то кричал в воде; потом закричали горожане: дневной бриз понес к побережью резкий запах горящего дерева.

Его контора находилась на улице прямо над портом. Виноторговая фирма «Френч, Френч и Трейнор» специализировалась на мадере, крепком вине, прославившем остров. И если за торпедной атакой на стоящие в порту корабли последует вражеское вторжение, ему спешно нужно завершить свои дела.

На улице тормозили автомобили; пролетки и подводы останавливались у обочины; возницы и пассажиры ошеломленно смотрели на горящие корабли. Лошади храпели, закатывали глаза и пятились, испугавшись запаха дыма.

На пороге конторы стояли почти все его служащие. Те, кому не хватило места в узком проеме, толпились у окон. Их лица были такими же потрясенными, как у него.

– Мистер Трейнор! – окликнул его по-английски десятник. – Что они делают?

– Не знаю. – Трейнор вошел в помещение и приказал всем служащим следовать за ним.

Окна его кабинета выходили на фасад здания. За конторой размещался длинный производственный цех, откуда можно было выйти во двор, где стояли тяжелые подводы. Рядом с цехом, в огромных складах, похожих на пещеры, хранились огромные бочки с мадерой, рассортированные по году производства и по сорту. К складам примыкали залы с высокими потолками, в которых стояли котлы, чаны и нагревательные приборы; в комнатке поменьше была собрана целая коллекция инструментов для виноделия, которыми пользовались с древних времен. С ней соседствовал длинный обеденный зал, в котором питались служащие. У них появилась традиция расписывать стены своего рода фресками; своей столовой служащие очень гордились.

От огня могли пострадать перекрытия и стены – все они были деревянными.

Пораженный новой тревогой, он замер на месте. Что делать? На то, чтобы перевезти вино в другое место, понадобится несколько дней, к тому же это очень рискованное предприятие. Что уж тут говорить об оборудовании? На то, чтобы разобрать, а потом снова собрать многочисленные трубы и провода, уйдет не один день... Нет, невозможно! И даже если все вдруг получится, как спасти все здание?

Мэтью Трейнор почувствовал себя совершенно беспомощным. Черт бы побрал этих немцев! И черт бы побрал войну!

Одни служащие взволнованно спрашивали, не напали ли немцы на Португалию и не значит ли это, что Португалия вступила в войну. Другие умоляли отпустить их домой, к семьям, пока еще не поздно.

Разрываясь на части, впервые в жизни не зная, как ответить, он попытался взять себя в руки. Надо что-то делать!

Когда он уже собирался заговорить, кто-то высунул голову в дверь из-за спины Трейнора и прокричал:

– Подводная лодка! Всплывает!

Трейнор тоже выглянул за дверь и увидел всплывающую подводную лодку. Матросы вылезали из люков на палубу и, по щиколотку в воде, бежали к палубным орудиям. Портовые противолодочные батареи Фуншала не успели развернуться. Через несколько минут немецкая подлодка начала бомбить город.

Снаряды летели не в суда, стоящие на рейде, а в центр Фуншала.

Трейнор понял, что уже поздно.

– Идите домой, пока еще есть время! – приказал он служащим, столпившимся у него за спиной. – Если враг высадится на Мадейре, сидите по домам. Главное – не наделать глупостей!

– А как же вино? – спросил десятник. – Что нам делать?

Трейнор глубоко вздохнул:

– Остается молиться, что оно не пострадает. А теперь ступайте, лучше переулками. Скорее! Нет, не сюда, через черный ход!

На улицах гремели взрывы. Он живо представил себе величину ущерба, который понесет фирма. Убытки от потери имущества, убитые и раненые... Со всех сторон слышались крики; люди в ужасе метались туда-сюда.

Он не сразу обратил внимание на то, что его дергает за рукав секретарь, молодой португалец, которого он принял на работу в прошлом году:

– Пойдемте, вам тоже надо уходить! Посмотрите, снаряды падают уже совсем близко!

Мэтт Трейнор позволил увести себя черным ходом. Голова у него шла кругом от потрясения и ужасного гнева, который он не считал нужным сдерживать. Стены домов дрожали; вот снаряд разорвался совсем близко – через три дома от него...

Столько трудов пошло прахом... Годы тяжелой работы! И он ничего не может поделать!

Бомбардировка продолжалась два часа. Портовые батареи оказались маломощными и не могли помешать уничтожению столицы. Власти спешно разослали гонцов в другие города острова. Важно было выяснить, не высадился ли где немецкий десант. Но ответа пока не поступало.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Опустела палуба, матрасы задраили люки, и подводная лодка тихо скрылась под водой, оставив после себя два горящих судна – «Дакия» уже затонула – и бесчисленные человеческие жертвы. В самом городе осколками убило еще несколько десятков человек; многие погибли или пострадали от упавших камней и бревен.

Мэтт Трейнор верхом поскакал в центр Фуншала. К его крайнему изумлению, оказалось, что в здании фирмы выбиты стекла и повсюду валяются осколки, но стены как будто не пострадали. Тем не менее необходимо было осмотреть бочки. От тряски могли пострадать скрепы. Вино нового урожая, которое хранилось в чанах, либо совершенно не пострадало, либо безнадежно испортилось – промежуточного варианта не было. Оценить сегодняшний ущерб удастся не сразу. Лишь через несколько недель, а то и месяцев он поймет, во сколько обошелся ему сегодняшний обстрел. Первым делом нужно вызвать стекольщиков и вставить новые стекла. Сейчас у стекольщиков наверняка много работы; надо сегодня же, сейчас же договориться с ними: к ним наверняка нагрянут мародеры, прослышав, что на винном складе выбиты стекла. Кроме того, придется нанять целый отряд ночных сторожей. Фирму «Френч, Френч и Трейнор» придется усиленно охранять до лучших времен.

Спешившись, Трейнор немного постоял, озираясь по сторонам. Знакомая улица после бомбардировки стала неузнаваемой. Он словно очутился в страшном сне. Повсюду вывороченные из фундаментов зданий куски каменной кладки, покореженные деревья... Весь тротуар в воронках и колдобинах.

Глубоко вздохнув, он приготовился войти внутрь и оценить ущерб.

Кто-то бежал по разгромленной улице, окликая его по имени. Узнав служанку из дома его невесты, он замер. Сердце болезненно сжалось в предчувствии беды.

– Что? Кто?! – крикнул он Мануэле и остановился, не в силах сдвинуться с места.

– Сеньорита... – выдохнула она, и ему захотелось заткнуть уши.

«Господи, прошу Тебя, не надо! Я больше не вынесу!»

До этого момента его почти ничто не трогало – ни страдания терзаемой войной Франции, ни бесконечные списки убитых, раненых и пропавших без вести после сражений на Ипре и Сомме, ни трудности, с которыми столкнулась его родина – Англия. Но вот война добралась до него. Рухнул его привычный, спокойный и счастливый мир.

– Она умерла, – говорила Мануэла. Слезы градом лились по ее румянному лицу; он мог читать по губам, хотя слова не доходили до его сознания. – На нее рухнула балка в спальне... она молилась Мадонне, и тут... Она умерла на месте.

Словно со стороны до него донесся собственный голос:

– Но ведь... не может быть! Их дом далеко от центра... Там было безопасно!

– Сеньор, дом сильно трясло. Он качался, качался, и штукатурка не выдержала...

Неделю спустя, приведя дела в порядок, похоронив невесту и ее мать на кладбище на склоне холма, где через ограду лезла алая бугенвиллея, такая яркая, что хотелось зажмуриться, он отплыл в Португалию, где записался добровольцем.

Глава 2

Лето 1920 г., побережье Суссекса

Эдгар Биллингс остановился в маленьком пабе для позднего обеда; он не спеша доедал десерт, не обращая внимания на косые взгляды хозяина, которому не терпелось спровадить последнего посетителя и прибраться перед вечером.

Около двух дверь паба с треском распахнулась, и в зал быстро вошел человек в потертых вельветовых брюках и резиновых сапогах. Он спросил, не здесь ли констебль Минс.

– Нет, его здесь нет, – ответил хозяин. – Наверное, пошел домой обедать. Что случилось?

– К маяку выбросило труп... Констеблю бы надо его осмотреть.

– Труп? – переспросил хозяин. – Кто-то из наших?

Хотя паб «Пеликан» находился не так уж близко от маяка Дандженесс, рыбаки заходили сюда довольно часто.

Вошедший покачал головой:

– Я его не знаю.

– Хотя на том спасибо.

Биллингс встал из-за стола, на ходу доставая из кармана деньги.

Он расплатился по счету и вышел. Человек, который сообщил новость, посмотрел ему вслед.

– Не местный?

– Нет, – ответил владелец. – Просто мимо проезжал. Так он сам сказал.

– Ладно, тогда я пошел искать Минса, – кивнул вошедший.

Биллингс уже успел сесть в машину, которую оставил во двореике перед пабом.

– Вас подвезти? – спросил он у человека в вельветовых брюках.

– Спасибо, нет, мне недалеко.

Биллингс направился к берегу.

Глядя ему вслед, человек в вельветовых брюках подумал: «Чего это он так оживился?» И, покачав головой, затрусил к домику констебля.

Маяк Дандженесс было видно издалека. Он служил едва ли не единственной вехой на низменном побережье. Но проехать к нему напрямую от паба оказалось невозможно. Пришлось ехать по проселочной дороге, которая вела мимо грубых рыбацких домов, петляла по пустошам, поросшим жухлой травой и, наконец, обрывалась над узкой полосой пляжа, которая начиналась у маяка и занимала четверть мили, вдаваясь в море. Развернув машину в ту сторону, откуда он приехал, Биллингс вылез.

Брести по мелкой гальке оказалось совсем непросто. Камешки забивались в туфли; ноги увязали, как в песке. К тому времени, как он добрался наконец до моря, совсем выбился из сил.

Он еще издали заметил тело, лежавшее у самой кромки воды. Труп охранял какой-то рыбак, сидевший рядом на корточках; ноздри Биллингса уловили запах трубочного табака.

Рыбак тоже заметил Биллингса и зорко следил за его приближением.

Мертвец был одет в сшитую на заказ рубашку и легкие брюки. Обуви на нем не было. В мокрых волосах запутался песок, и невозможно было определить, какого они цвета. Видимо, тело некоторое время било о камни; все лицо покрывали ссадины. Одежда пропиталась морской водой и отяжелела. Теперь прилив уже не смог бы унести тело назад, в открытое море.

Волны выбросили его на берег, как ненужный обломок...

Когда Биллингс подошел ближе, рыбак встал и, кивнув, спросил:

– Не местный?

– Я сидел в пабе, когда какой-то человек рассказал о покойнике.
– Небось Бертон. – Рыбак смотрел на Биллингса по-прежнему подозрительно.
– Бертон? Да, наверное, – беззаботно ответил Биллингс. – Вот я и решил взглянуть своими глазами.

– Любопытствуете насчет покойника? – спросил рыбак.
– Я уже несколько дней разыскиваю здесь одного человека – он мне очень нужен. Решил проверить, не он ли это.

– Ищите? Хотели, значит, найти одного человека – или, может, утопить его?

Биллингс улыбнулся и достал свое удостоверение:

– Я из Скотленд-Ярда.

Рыбак долго держал его удостоверение в руках, пристально вглядываясь в буквы. Интересно, подумал Биллингс, умеет ли он читать?

Наконец, удовлетворившись, рыбак кивнул:

– Ну, тогда ладно. Смотрите. Скоро сюда придет констебль Минс, и ему вряд ли понравится, что сыщик из Скотленд-Ярда путается у него под ногами. – Последние слова рыбак произнес довольно язвительно – судя по всему, они с Минсом не ладили.

Биллингс подошел к труп, внимательно глядя себе под ноги. Ничто не могло подсказать ему, где покойник нашел свой конец и почему. И на одежде отсутствовали пятна крови – все следы были смыты морем.

Присев на корточки, Биллингс всмотрелся в мертвое лицо.

Он сразу понял, что перед ним не тот, кого он искал.

– Документы при нем были? – спросил он.

Рыбак покачал головой:

– Нет. Бертон его осмотрел.

– Он что-нибудь взял у мертвеца?

– Бертон человек честный. Вряд ли он стал бы грабить покойника.

– Да-да, все мы честные, только цена разная... – Биллингс встал. – Передавайте привет констеблю Минсу. Теперь ему заниматься мертвецом. – Он развернулся, собираясь уходить, но потом передумал. – Как вас зовут? Я должен отметить в рапорте – раз уж вы какое-то время составляли покойнику компанию.

Рыбак нехотя ответил:

– Гендерсон. Джордж Гендерсон.

Биллингс кивнул:

– До свидания, Гендерсон!

Он снова побрел по мелкой гальке к тому месту, где оставил машину. Теперь ветер дул ему в лицо, и идти стало еще труднее. Внезапный порыв чуть не сбил его с ног. Усевшись за руль, он вздохнул с облегчением.

Некоторое время Биллингс посидел в тени маяка; из-за тучи вынырнул краешек солнца, а потом снова скрылся. Набравшись сил, Биллингс вышел, завел рукояткой мотор, снова сел за руль и покатыл назад той же дорогой, какой приехал.

Глава 3

Лондон, конец лета 1920 г.

Ратлидж приступал к делу с тяжелым сердцем. Труп нашли в Челси, совсем недалеко от дома, в котором когда-то жила Мередит Ченнинг.

Теперь ее дом закрыт. Ратлидж сам проводил Мередит в бельгийский город Брюгге, где, как она считала, обнаружился ее муж, пропавший без вести во время войны. Найденный человек оказался в тяжелом состоянии; он не мог ни позаботиться о себе, ни даже сказать, как его зовут. Ратлидж сомневался в том, что он – Ченнинг. Мередит очень долго искала мужа и сразу поверила, что это он. Может быть, желание примириться с ним пересилило ее всегдашнее здравомыслие. Ратлидж понимал, что у него нет выхода. Он должен отойти в сторону и отказаться от Мередит, положив конец растущей между ними привязанности. При иных обстоятельствах у них все могло бы получиться... Но тяга к Мередит не исчезла, хотя Ратлидж и притворялся, будто переборол себя.

Мередит до сих пор оставалась в Бельгии; о том, где она находится, знал только Ратлидж. Почти все друзья решили, что она поехала в гости в Шотландию или в Йоркшир, а может, и в Девон. Ратлидж никого не собирался просвещать.

На место преступления его послал исполняющий обязанности старшего суперинтендента, сопроводив задание словами:

– Проклятые автомобили! Если мне не изменяет память, за последний месяц в Лондоне сбивают насмерть уже шестого человека... И скорее всего, не последнего.

– А разве транспортными происшествиями занимается не столичная полиция? – удивился Ратлидж.

– Как правило, – согласился исполняющий обязанности старшего суперинтендента. – Но констебль Медоуз решил, что обстоятельства происшествия не совсем обычны. Во-первых, сбивший человека автомобиль не остановился. Во-вторых, нет ни одного свидетеля происшествия... Как назло, мимо не проезжала даже тележка молочника!

Несмотря на то что человека сбили перед рассветом, кто-то из жителей улицы наверняка что-то видел или слышал. Автомобиль затормозил, жертва упала... Правда, возможно, несчастный не успел даже вскрикнуть.

Сержант Гибсон, с которым Ратлидж столкнулся на пороге, кивнул и лаконично сообщил:

– Был врач. Уже уехал.

– Что он сказал?

– Характер повреждений соответствует нашим предположениям. Его действительно сбил автомобиль. Правда, доктор считает, что смерть наступила ближе к полуночи, а не к рассвету.

Ратлидж поблагодарил сержанта и пошел дальше. Он успел заметить, что Гибсон снова стал самим собой, и очень обрадовался, но промолчал.

Внезапная болезнь старшего суперинтендента Боулса вызвала большой переполох в Скотленд-Ярде. Все с интересом ждали, кого назначат на его место. Многие делали ставки. Наконец, временно исполняющим обязанности старшего суперинтендента назначили приезжего из Йоркшира, и все немного успокоились.

Гибсон, так же взволнованный предстоящими переменами, как и остальные сослуживцы, нашел прибежище в том, что действовал строго по инструкции. Поэтому в последнее время он стал чопорным и несговорчивым. Может быть, ему казалось, что, если он будет придерживаться методов Боулса, все забудут, как он до сих пор исподтишка презирал старшего суперинтендента и вставлял ему палки в колеса. Но, подобно новогодним зарокам, намерения Гибсона

оказались недолговечными. Естественно, все втихомолку оценивали новичка, но вслух по его поводу никто не высказывался. Правда, у Ратлиджа уже появилось свое мнение на его счет.

В ожидании похоронщиков труп охранял констебль Медоуз. Рядом с ним Ратлидж увидел еще двух констеблей, следивших за порядком на Хантингдон-стрит. Правда, улица была тихая. Если жильцы и заметили, что произошло, они проявляли любопытство скрытно, глаза на труп из окон. Публика здесь жила приличная; ни домовладельцы, ни прислуга не стали бы толпиться вокруг убитого.

Худощавому и спокойному Медоузу на вид можно было дать лет тридцать пять. Увидев Ратлиджа, он спросил:

– Скотленд-Ярд?

– Инспектор Ратлидж.

– Да, сэр. Меня просили подождать, пока кто-нибудь не придет.

– Насколько я понял, это вы решили, что обстоятельства происшествия не совсем обычны? – Ратлидж наклонился и отогнул край одеяла, которым накрыли тело жертвы. На вид погибшему можно было дать лет тридцать – плюс-минус несколько лет. Стройный, одет прилично... Темно-русые волосы слиплись от крови, вытекшей из раны на затылке, – видимо, этим местом он ударился о неровный край тротуара. Рука выгнута под неестественным углом; брючина на лодыжке порвана.

Медоуз нагнулся и чуть повернул тело, показывая Ратлиджу надорванный воротник пальто. К краю воротника налипли песок, трава и земля. На щеке зияла рваная рана.

– Похоже, его откуда-то тащили. Доктор говорит, что его проволокли футов десять. Вот почему порвались пальто и брюки. Не похоже, чтобы его тащили по этой улице – посмотрите сами, здесь чисто.

Ратлидж отпустил край одеяла и выпрямился. Посмотрев на дорогу, в том направлении, в котором тело должна была протаскать машина, он вынужден был согласиться с констеблем. Совершенно никаких признаков, хотя убитый был вовсе не хрупким. В мягкой летней пыли несомненно остался бы след.

– И еще кое-что, сэр, – продолжал Медоуз. – Доктор считает, что бедняга умер раньше, чем мне показалось вначале. В свою смену я прохожу по Хантингдон-стрит несколько раз. Так вот, до половины второго его здесь не было, клянусь! И потом, в его карманах нет никаких документов и вообще ничего, что могло бы указать на его личность. А если человек возвращается домой в такой час, разумно предположить, что у него в кармане лежит хотя бы бумажник.

– Думаете, его ограбили?

– По-моему, нет. Во всяком случае, я никаких признаков ограбления не заметил. Карманы не вывернуты. А в жилетном кармане часы. Довольно дорогие, по-моему, французские, с очень красивой цепочкой. Такие трудно не заметить даже в темноте. – Констебль вытянул руку; у него на ладони лежали часы с цепочкой.

Ратлидж тоже сразу понял, что перед ним дорогая вещь. И часы, и цепочка были сделаны из гладкого тяжелого золота. И одет покойный хорошо... Какой можно сделать вывод?

Открыв крышку, он стал искать надпись, но никакой надписи на внутренней стороне не оказалось.

– Возможно, запись о продаже сохранилась у ювелира или часовщика, – предположил Ратлидж. – Скорее всего, их купили еще до войны. Да, вы правы, судя по циферблату, похоже, что они французские.

– Я позабочусь, сэр, чтобы ваше распоряжение было передано.

– Знаете, у меня есть знакомый ювелир. Пожалуй, покажу-ка я часы ему. Может быть, он и придумает что-нибудь. А потом Скотленд-Ярд начнет поиски владельца.

Приехал владелец похоронного бюро, и Медоуз отправился разговаривать с водителем.

Хлопнула дверь, и Ратлидж вздрогнул. С крыльца углового дома спускался констебль. Заметив Ратлиджа, он направился к нему.

Ратлидж зашагал ему навстречу, оставив Медоуза распоряжаться.

– Констебль! Надеюсь, вы нашли свидетеля?

– Не совсем так, сэр. Видите вон тот дом – крыльцо с железными перилами? Так вот, лакей оттуда допоздна ждал своего хозяина, который должен был вернуться со званого ужина. Кстати, с хозяином я тоже побеседовал. Он вернулся в четверть первого, но тогда на улице не было никакого трупа. Он согласен подписать протокол.

– Он возвращался домой в автомобиле? Он сам не мог сбить того человека?

– Я уже сказал, что хочу взглянуть на его автомобиль, сэр. Лакей сейчас его подгонит. Но, по-моему, мистер Белфорд – не тот, кто нам нужен... – Констебль кашлянул. – Он вполне солидный, порядочный джентльмен.

– Пожалуй, пойду-ка и я побеседую с этим порядочным джентльменом. Но вначале мы осмотрим его автомобиль. Он сам сидел за рулем? С ним никого не было?

– Да, он водит сам, а возвращался один.

– Может, он был так пьян, что не понял, что натворил?

– По словам лакея, мистер Белфорд не пьет.

– Ясно... А, вот и автомобиль! Давайте-ка посмотрим!

К удивлению Ратлиджа, лакей оказался довольно пожилым человеком. Как правило, в последнее время в лакеи шли люди помоложе... Затормозив рядом со стражами порядка, лакей сказал:

– Вот вы где, констебль Дойл! Что ж, смотрите... – Он покосился на Ратлиджа и вежливо кивнул.

Ратлидж с констеблем сразу поняли, что автомобиль, содержащийся в безукоризненной чистоте, никак не мог быть замешан в уличном происшествии. Он находился в таком превосходном состоянии, словно только что выкатился из автомобильного салона. Осматривая машину, Ратлидж успел заметить, как лакей вынул из кармана носовой платок и потер край левой фары – после того, как о нее оперся констебль Дойл, когда нагнулся к раме. Лакей хмурился; судя по всему, авто находилось на его попечении, а любое пятнышко на кузове он воспринимал как личную обиду.

Ратлидж повернулся к констеблю Дойлу:

– Мне бы хотелось побеседовать с мистером Белфордом. Пожалуйста, передайте констеблю Медоузу, что я скоро вернусь. Пусть подождет меня. Я скоро!

Дойл, продолжавший с интересом осматривать машину, ответил:

– Хорошо, сэр, я ему передам.

Ратлидж поднялся на крыльцо и позвонил. Ему открыла горничная, которая проводила его в малую гостиную. Обстановка там была довольно строгой: темно-синяя и кремовая обивка, темные шторы с более светлой подкладкой. Цветовая гамма ковра оказалась точно такой же: на кремовом фоне темно-синий узор. Кресла обиты в тон шторам. Ратлиджу показалось, что малую гостиную хозяин любит и предпочитает проводить время здесь, а не в парадном зале.

Меньше чем через минуту после того, как Ратлидж вошел в малую гостиную, к нему вышел Белфорд.

Хозяин оказался человеком среднего роста и среднего возраста. Волосы седые со стальным отливом; аккуратные усики. Держался он надменно, как какой-нибудь граф. Не дожидаясь, пока Ратлидж заговорит, он заявил:

– Я уже рассказал констеблю Дойлу все, что мог, о вчерашней ночи и велел Миллеру показать машину. Что вам еще нужно?

В его голосе не слышалось ни раздражения, ни любопытства, только досада.

– Я инспектор Ратлидж из Скотленд-Ярда, – дружелюбно ответил Ратлидж. – Насколько я понял, вчера, вскоре после полуночи, возвращаясь домой, вы не заметили на улице ничего необычного.

– Совершенно верно.

– Покойник лежал не рядом с вашим домом, а напротив, на другой стороне. Вы могли просто не заметить его? Насколько я понимаю, вы вели машину сами.

– Да. И уверяю вас, труп на своей улице я бы наверняка заметил!

– А в конюшню, где вы обычно держите автомобиль, его загнал ваш лакей?

– Да, конечно.

– Вы уверены, что он не сбил того человека?

– Кто, Миллер? Исключено! Он бы обязательно сказал мне!

– Прошу вас взглянуть на жертву, пока тело еще не увезли. Вдруг вы его узнаете. Вполне возможно, он ваш сосед, хотя констебль Медоуз уверяет, что никогда не видел его.

– Что ж, ладно. – Не дожидаясь Ратлиджа и не оборачиваясь к нему, Белфорд развернулся и зашагал к двери.

Труп как раз грузили в кузов фургона, когда к нему подошел Белфорд и приказал:

– Покажите мне его!

Похоронщик замялся, обернулся к Ратлиджу. Тот кивнул. С лица трупа откинули одеяло.

Белфорд пытливо глядел в него, как будто хотел запомнить черты лица покойника.

Потом он повернулся к Ратлиджу:

– Я совершенно уверен, что никогда раньше не видел этого человека.

– Вы уверены? – спросил Ратлидж. Водитель катафалка ждал разрешения снова накрыть тело.

– Убежден. Он не живет на нашей улице, он не служил под моим началом на войне, он не вращался в тех кругах, к которым принадлежу я... Не представляю, где еще мы с ним могли бы встретиться.

– Спасибо, мистер Белфорд. – Ратлидж подал знак. Похоронщик кивнул, накрыл труп одеялом и захлопнул дверцы.

Белфорд отошел в сторону, пропуская катафалк, и задумчиво заметил:

– Хотелось бы мне знать, что он делал на нашей улице.

– Мы пока не можем его опознать, – ответил Ратлидж. – Неизвестно ни кто он, ни где живет, ни что привело его сюда.

– В таком случае... вряд ли я еще чем-то могу быть вам полезен... – Сухо кивнув, Белфорд зашагал прочь. Но, не пройдя и шести шагов, вдруг развернулся и сказал: – По словам констебля Дойла, его протащило футов десять. По-моему, все указывает на то, что задавивший его водитель хотел убить свою жертву!

– В последнем мы пока не уверены, – ответил Ратлидж. – Констебль Медоуз, обнаруживший труп, не сумел найти доказательства того, что тело протащило именно по вашей улице. Но, судя по ссадинам на лице покойного и по состоянию его одежды, такое показалось ему вполне вероятным.

– Значит, вам лучше поискать следы где-нибудь в другом месте, – не без удовлетворения заметил Белфорд. – Скорее всего, беднягу сбили вдали отсюда, а потом привезли сюда и бросили, чтобы запутать следы.

Ратлидж некоторое время пытливо смотрел на Белфорда.

– Интересное предположение. На чем оно основано?

– Судите сами, инспектор. Похоже, что беднягу протащило после того, как его сбила машина, но на нашей улице нет никаких следов – ни борозд от его каблучков, ни вмятины от тела в пыли. И крови в том месте, где он лежал, тоже нет. Какой напрашивается вывод? Он, скорее всего, умер еще до того, как его привезли сюда. На нашей улице он не жил; вряд ли он

в такой поздний час возвращался из гостей – не так одет. По-моему, его костюм куда больше подходит для загородной прогулки. Ваши подчиненные сейчас опрашивают всех, кто живет на нашей улице; вы обратились ко мне с просьбой взглянуть на жертву. Пока вы никакого успеха не добились. Вы видели мой автомобиль; уверяю вас, я никого не сбивал. Как и мой лакей. По-моему, вам следует задаться следующим вопросом: кто хотел смерти этому человеку и кто привез его сюда, убив где-то в другом месте? У меня нет врагов, которые могли бы нарочно подбросить труп к моему дому, чтобы поставить меня в неудобное положение. Вскоре вы опросите всех жильцов соседних домов и обитателей соседних улиц и поймете, что то же самое можно сказать и про моих соседей. А сейчас позвольте откланяться – меня ждут другие дела.

Ратлидж достал часы.

– Вот что мы нашли в жилетном кармане покойного. – Он держал часы за цепочку; покрутившись немного, тяжелый диск остановился. В лучах утреннего солнца сверкнуло золото. – Вы ничего не можете о них сказать?

Белфорд подался вперед и, коснувшись корпуса часов кончиком пальца, осторожно развернул их крышечкой к себе.

– Вы не смотрели – там, внутри, нет надписи?

– Смотрел. Надписи нет.

– Часы, похоже, французские. И дорогие. Я бы сказал, что их владелец – человек знатного происхождения. Судя по возрасту покойного, они, скорее всего, достались ему в наследство. А больше я ничего вам сказать не могу.

Снова отвернувшись, Белфорд направился к дому, не оглядываясь, расправив плечи и высоко подняв голову. Ратлидж подумал: ясно, что на войне Белфорд был офицером. Ему доводилось встречать людей, похожих на Белфорда: дисциплинированных, честных, но в чем-то ограниченных. Поборников уставов и правил. Интересно, почему Белфорд не требует обращаться к нему по званию. И кстати, в каком чине он был на войне?

Констебль Медоуз, подошедший к Ратлиджу сзади, заметил:

– А ведь он дело говорит, сэр.

Ратлидж кивнул. Белфорд оказался ценным и наблюдательным свидетелем. На вопросы он отвечал сжато, но по существу, а затем дал ряд советов по поводу того, как, по его мнению, следовало действовать дальше. Еще до разговора с Белфордом Ратлидж успел прийти к тем же выводам. Если мертвец не лежал на обочине улицы в то время, когда Белфорд вернулся домой, скорее всего, его убили в другом месте. Убийца поспешил избавиться от трупа и привез его сюда перед рассветом.

Никаких документов. Как верно подметил Белфорд, убитый не жил на этой улице и вряд ли был здесь в гостях. А на мостовой не обнаружено крови, которая указала бы место, где умер несчастный.

С другой стороны, сам Белфорд вернулся домой со званого ужина. Он мог незаметно подбросить тело на другую сторону улицы, а кровь с кожаного сиденья вытереть тряпкой. Несчастного обнаружат соседи или констебль во время обхода... Нет, не сходится. Ратлидж прекрасно помнил, в каком безупречном состоянии находился автомобиль Белфорда.

Он повернулся к Медоузу:

– Вы хорошо знаете мистера Белфорда?

– Он человек не слишком общительный. Деньги у него водятся – в его доме целый штат прислуги: лакей, две горничные, повар, экономка и камердинер. Никогда с ним не было никаких хлопот. Уж я-то знаю, десять лет прослужил здесь!

– А если мистер Белфорд ведет двойную жизнь? В Челси – добропорядочный гражданин, а в другом месте...

– Все может быть. Но я никогда ничего плохого за ним не замечал.

Ратлидж кивнул.

– Наша первая задача – установить личность покойного. Только потом можем мы быть уверены, что жертва не имеет никакого отношения к мистеру Белфорду. Если вы и ваши сослуживцы закончите опрашивать всех, кто живет на этой улице, но ничего существенного не выясните, переходите на соседние улицы и двигайтесь в сторону Темзы. Перед тем как предпринимать дальнейшие шаги, необходимо точно решить, что жертва никак не связана с вашим участком. Если в Челси ничего выяснить не удастся, попробуем найти его по часам.

– Понял, сэр. Я обо всем позабочусь.

Ратлидж вышел на середину улицы и сделал шагов по двадцать сначала в одну сторону от того места, где Медоуз обнаружил труп, затем в другую, но, хотя он смотрел предельно внимательно, а солнце светило очень ярко, не нашел никаких следов, которые доказывали бы, что жертву сюда привезли. Не было и признаков того, что улики стерли в попытке сбить полицию со следа.

Он вынужден был согласиться с Белфордом, хотя, наверное, для Скотленд-Ярда было бы лучше, если бы Белфорд оказался не прав. Ратлидж улыбнулся про себя. Да, если Белфорд ошибся, их задача существенно облегчается. Где бы ни погиб несчастный, он погиб не здесь.

Случайно ли выбрана эта улица? А может, убийца специально подбросил сюда свою жертву, желая что-то сказать живущему здесь человеку? А если убийца ошибся адресом?

Вернувшись, Ратлидж обратился к констеблю Медоузу:

– За время своего дежурства вы обходите несколько улиц. Много замечаете, до вас доходят слухи. Может быть, кто-то из живущих здесь замешан в действиях, результатом которых явилось вот такое... своего рода ужасное предупреждение?

– Сэр, я и сам подумал о том же самом, но не припоминаю ничего подходящего. Здесь живут вполне респектабельные люди. Есть один или два художника, известный актер... Все они у себя дома ведут себя тихо, как и их соседи.

Решив, что больше он здесь ничего не выяснит, Ратлидж уехал, попросив констебля Медоуза записать показания свидетелей и переслать их в Скотленд-Ярд.

Он с радостью уехал из Челси и отправился в ювелирный магазин «Галлоуэй и сыновья» на Бонд-стрит. Будучи еще совсем молодым полисменом, Ратлидж нашел вора, который как-то в субботу вечером вломился в магазин; ему также удалось вернуть почти все украденное. С тех пор Галлоуэй считал себя должником Ратлиджа.

Ювелир и сейчас тепло приветствовал Ратлиджа и, распрощавшись с молодой парой, которая интересовалась обручальными кольцами, повернулся к инспектору.

– Последнее время вы совсем про нас забыли, – с улыбкой заметил он. – А я все жду, когда вы придете ко мне покупать кольцо для какой-нибудь молодой леди.

– Как-нибудь в другой раз, – ответил Ратлидж. – А сегодня я приехал к вам по делу. Пожалуйста, взгляните на эти часы. Что вы о них скажете?

Он передал Галлоуэю часы. Перед тем как открыть крышку, ювелир внимательно осмотрел их.

– Они имеют какое-то отношение к преступлению? – не поднимая головы, спросил Галлоуэй.

– Нам бы очень хотелось установить личность их владельца.

– Ну да, конечно. – Осмотрев заднюю крышку часов, Галлоуэй повернулся к Ратлиджу. – Сразу видно, что часы французские. Сделаны они действительно во Франции, но продали их в Лиссабоне. Вот здесь, на рамке, есть печать ювелира, видите? По-моему, их подарили не на память, не к совершеннолетию, например. Их купили для того, чтобы носить каждый день. Разумеется, сразу видно, что часы не новые, но, по всем признакам, обращались с ними хорошо. По-моему, их изготовили в тысяча восемьсот девяностом или девяносто пятом году.

– Интересно, – сказал Ратлидж. – Что-нибудь еще можете сказать?

– К сожалению, нет. У меня есть знакомые в Лиссабоне. Хотите, я наведу справки? Разумеется, тактично.

– Да, спасибо, вы мне очень поможете.

Галлоуэй записал свои наблюдения и вернул часы Ратлиджу.

– Связаться с вами через Скотленд-Ярд, как обычно?

– Да, пожалуйста.

Идя к машине, Ратлидж продолжал размышлять, когда кто-то рядом произнес:

– Вы что же, перестали замечать старых друзей?

Вернувшись в настоящее, Ратлидж увидел, что перед ним стоит бывший старший инспектор Камминс, и с улыбкой ответил:

– Извините! Я тут как раз решал, что собой представляет последнее дело – убийство или несчастный случай с попыткой спрятать жертву. Что привело вас в Лондон?

– Дочь выходит замуж; сейчас они с женой подыскивают свадебное платье. Меня отпустили и велели не возвращаться еще час, не меньше. Час почти закончился. Как я рад, что встретил вас! Мне очень жаль Боулса, но, должен сказать, многие удивились, узнав, что у него инфаркт, и я в их числе. Что скажете о новичке – Маркеме?

Ратлидж подумал: если бы Камминс еще служил в Скотленд-Ярде, исполняющим обязанности старшего суперинтендента, скорее всего, назначили бы его. Очень жаль, что он вышел в отставку.

– Темная лошадка. Пока с ним работается вполне спокойно, но, как говорится, его репутация его опережает. По-моему, он не любит внезапных озарений. Он – поборник правил.

– Что, новая метла чисто метет?

Ратлидж задумался.

– Пока рано судить; он еще так недавно у нас служит.

– По-моему, сейчас Скотленд-Ярд разделится на два лагеря. Одни думают, что Боулс идет на поправку и скоро вернется на службу. Другие считают, что Боулс успел многим насолить и министерство внутренних дел отправит его в отставку, как только подыщет подходящую замену.

Такие слухи до Ратлиджа еще не доходили.

– Спасибо, что предупредили. – Как говорится, хоть плохой, зато свой? Ратлидж сам не знал, что лучше.

– Приятно было повидаться с вами, Иен. Смотрите себе под ноги, и все будет хорошо.

Камминс повернулся, чтобы уйти, но Ратлидж его остановил.

– Скажите, вы не скучаете... по Скотленд-Ярду? – неожиданно для себя спросил он. Неприлично задавать такие вопросы; кроме того, мысли Камминса – совершенно не его дело.

После клиники Ратлидж с радостью вернулся в Скотленд-Ярд и с головой погрузился в работу, боясь скатиться в невозвратное безумие. Несмотря на враждебность Боулса и мысли, омрачающие его голову, он старался удержаться на плаву. Он выжил, потому что не позволял себе даже думать о том, что будет с ним *после* Скотленд-Ярда, *без* Скотленд-Ярда. Он гнал от себя мысли о том, что с ним случится, если его вдруг лишат работы. Как лишили его бывшего начальника.

– Да, скучаю, – ответил Камминс, и Ратлиджу стало нехорошо. Но потом Камминс добавил: – Но не так сильно, как мне казалось раньше. Ответил я на ваш вопрос?

– Д-да... – с трудом выдавил из себя Ратлидж.

Вернувшись на работу, Ратлидж первым делом попросил сержанта Гибсона выяснить все, что можно, об услужливом мистере Белфорде. Закрыв дверь своего кабинета, он сел за стол лицом к пыльному окну и стал смотреть на улицу. Он радовался тому, что мельком видит, что творится снаружи, пусть хотя бы деревья и кусок дороги. Несмотря на заверения врачей,

возникшая на фронте клаустрофобия не прошла со временем. Кроме того, ему лучше думалось, когда он смотрел на зеленую листву, деревья и землю, не искореженную снарядами и не превратившуюся в месиво из грязи, костей, крови и утраченных надежд.

Ратлидж понимал, что новый начальник наверняка с нетерпением ждет его отчета. Но он пока был не слишком доволен тем, что увидел на улице в Челси.

Убитый был обут. Если бы его протащило десять футов по земле, по крайней мере одна туфля свалилась бы с ноги. Может быть, потом кто-то снова обул его? И хотя на пальто виднелись все признаки того, что тело тащили, никто не попытался изобразить след в пыли. Интересно, почему? И откуда в Челси взялся тот несчастный? Почему его привезли в Лондон? Потому что в большом городе легче затеряться или потому что ему необходимо было оказаться именно здесь?

«Потому что место, где он умер, выдало бы убийцу», – высказался Хэмиш из его подсознания. Голос его с шотландским выговором показался Ратлиджу четким и звонким, как будто капрал Хэмиш Маклауд стоял совсем рядом, у него за спиной.

Непонятно, как покойник оказался в Челси. И все же придется отправить описание его внешности во все крупные города. И надеяться, что тамошние коллеги передадут его приметы в небольшие окрестные городки и в деревни, расположенные на их участках. Если Скотленд-Ярд повезет, какой-нибудь констебль из глубинки узнает погибшего и сообщит, как его звали.

Ратлиджа предупредили заранее, что исполняющий обязанности старшего суперинтендента не любит, если следствие заходит в тупик.

Часы внушали больше надежд. Вещь дорогая; английский ювелир, например Галлоуэй, наверняка сохранил бы чек и фамилию довольного клиента в надежде на новые сделки. Интересно, поступают ли так же ювелиры в Португалии?

Почему убийца оставил часы, хотя он... или она... опустошили карманы мертвеца?

Случайно или умышленно?

Опознать покойного могут родственники, соседи, работодатель, если жертву объявили пропавшей без вести.

Ратлидж взял лист бумаги, записал приметы мертвеца и отнес записку сержанту Гибсону.

– Врач пока не прислал отчет о вскрытии. Как только мы его получим, пожалуйста, разошлите приметы во все полицейские участки, – сказал он сержанту.

– Во все, сэр? – уточнил Гибсон, заранее прикидывая предстоящий объем работы.

– Жертва могла приехать из Корнуолла, или Нортумберленда, или из любого графства. Да, к сожалению, придется оповестить всех.

Кивнув Гибсону, он отправился к начальству с отчетом. Когда Ратлидж закончил, исполняющий обязанности старшего суперинтендента нахмурился и сурово заметил:

– Я всегда говорил: от этих бензомоторов ничего хорошего ждать не приходится!

Ратлидж не понял, шутит новый начальник или имеет в виду, что на поезде, например, большие расстояния можно преодолеть быстрее.

Врач, осмотревший жертву, прислал отчет ближе к полудню следующего дня.

Вот что написал доктор Паркер:

«По предварительной оценке время смерти оставляю без изменения. Точно так же не подлежит сомнению, что жертву тащили по земле. Мужчина, возраст – тридцать – тридцать три года, на теле нет особых примет, род занятий невозможно определить по состоянию рук и одежды. Судя по качеству одежды, возможно, он располагал независимыми средствами. Характер внутренних повреждений указывает на то, что его, скорее всего, сбил автомобиль. Левая рука сломана. Боевые ранения и военные травмы отсутствуют».

Опознать человека со следами боевых ранений, несомненно, гораздо легче.

Ратлидж передал отчет сержанту Гибсону, а затем прочел записи опросов жителей соседних улиц. Констебли хорошо поработали. Они обошли все дома и побеседовали со всеми жильцами. Гостей в тот вечер ни у кого не было.

«М-да, тут тебе вряд ли повезет», – заметил Хэмиш.

И Ратлидж начал подозревать, что Хэмиш прав.

Глава 4

Ратлидж сидел в своем кабинете и дописывал рапорт по другому делу, когда вошел сержант Гибсон.

– Мы получили три ответа на запросы о вашем мертвеце, – сказал он, – да только они не очень-то отличаются друг от друга. – Сержант протянул инспектору бумаги; тот жестом указал сержанту на свободный стул.

Просмотрев все три ответа, Ратлидж вынужден был согласиться с сержантом.

В первом случае речь шла о муже, которого жена объявила в розыск два года назад. Констебль, сообщавший о пропавшем без вести муже, приписал внизу страницы: «Так как миссис Трамбалл – особа довольно сварливая, мистер Трамбалл скорее бросился бы под колеса автомобиля, чтобы избавиться от нее, чем вернулся в Дербишир».

Ратлидж заметил:

– Пропавший муж работал мясником. Если он не сменил род занятий, то вряд ли это наш мертвец. Руки и особенно ногти у мясников совсем не такие, как у джентльменов. И все же не будем сбрасывать его со счетов.

Перейдя ко второму ответу, он сдвинул брови:

– Учитель из Кента? Возможно.

Здесь никаких комментариев не было, но, когда Ратлидж дочитал ответ, Гибсон заметил:

– Я взял на себя смелость и позвонил в Кент. Дело в том, что у меня там знакомый констебль Парри, он и прислал ответ. Во время войны мы с ним вместе искали шпиона на чатемской верфи. Конечно, все оказалось ложной тревогой – тогда нас часто дергали не по делу. Так вот, Парри говорит, что учитель недавно потерял ребенка и с тех пор не просыхал.

– По словам доктора, наш покойник вообще не пил.

– Вот именно, сэр. И все же... не будем и его сбрасывать со счетов.

Третий ответ также дарил туманную надежду. Инспектор из Норфолка сообщал: «У меня нет оснований полагать, что ваш труп принадлежит Джералду Стандишу, так как он пропал совсем недавно. С другой стороны, после возвращения с войны Стандиш довольно часто уходит без предупреждения на несколько дней. Вечером уборщица встретила его на улице; он направлялся к лесной опушке. Судя по всему, шел на прогулку; он выглядел вполне нормально и поздоровался с ней. На следующее утро уборщица заметила, что его постель осталась неразобранной, но не стала сообщать в полицию, поскольку обычно он объявляется через день-другой. Последний раз стал исключением. С тех пор констебль в Морсли не видел Стандиша и не слышал о нем».

– Вы поговорили с инспектором? – спросил Ратлидж у Гибсона.

– Сэр, там нет телефона, по которому я мог бы связаться с ним.

– Тогда подождем еще несколько дней и посмотрим, не удастся ли нам что-нибудь выяснить с помощью часов. И вот еще что. Вы навели справки о мистере Белфорде из дома номер двадцать по Хантингдон-стрит?

– Жду ответа из военного министерства. Ни в службе столичной полиции, ни у нас на него ничего нет... – Гибсон откашлялся. – Прочитав рапорт констебля Медоуза, я решил, что вы ни в чем не подозреваете мистера Белфорда.

– Пока нет. Но он на удивление много знает – или догадывается о большем, чем ему следует, – его пока рано вычеркивать из списка подозреваемых. – Поведение Белфорда не раздосадовало Ратлиджа; он всегда был благодарен свидетелям за любые полезные сведения, потому что невозможно знать и видеть все, особенно там, где не живешь. И все же Белфорд на удивление умело реконструировал возможные события. И к мертвецу, обнаруженному напротив его

дома, он отнесся совсем не так, как обычный свидетель. В его реакции не было ни изумления, ни ужаса, что вполне характерно для человека, неожиданно столкнувшегося со смертью.

На следующий день сержант Гибсон вошел к Ратлиджу в кабинет с выражением озадаченности на лице и, ничего не говоря, протянул ему лист бумаги.

Ратлидж просмотрел его, а затем внимательнее перечитал все, что там было написано.

Насколько можно было судить, мистер Белфорд вполне соответствовал его первому впечатлению. Он и в самом деле оказался очень полезным свидетелем. Ратлидж еще кое-что узнал о нем. Все слуги работали у Белфорда не менее десяти лет, а двое прослужили целых пятнадцать. У Белфорда никогда не было неприятностей с законом. Послужной список безупречен; он дослужился до капитана. Участвовал в битве при Монсе, в третьей битве на Ипре, известной как битва за Пашендаль, в битве на Сомме и в Амьенской операции; трижды был ранен и каждый раз, выписавшись из госпиталя, возвращался в строй.

Ратлидж ни разу не встречал Белфорда во Франции, но не очень удивился. Удивился он другому: он ни разу не слышал фамилию этого человека. Когда в бой бросали новые подразделения, обычно сообщали, откуда они прибыли, называли фамилии старших офицеров и говорили, где они служили раньше.

– Вот и все, что удалось узнать, – сказал Гибсон. – Ответ из военного министерства пришел так быстро, что даже я удивился.

Обычно для того, чтобы что-то выяснить в военном министерстве, требовалось запастись терпением, так как все записи там делались от руки, а архивы велись по старинке. Иногда ответы военного министерства откровенно ставили в тупик. Если Ратлиджу требовалось что-то узнать быстро, он вынужден был просить знакомых об одолжении, чтобы ускорить процесс.

– Ну, поскольку его не расстреляли на рассвете, вряд ли он – окопавшийся среди нас немецкий шпион, – сухо заметил Ратлидж.

– В самом деле, сэр, – ответил Гибсон. – Констебль Медоуз побеседовал со всеми его слугами. Они назвали мистера Белфорда украшением квартала.

– Боже правый, – вздохнул Ратлидж. – Как он добился такого признания?

– Констеблю сообщили, что он щедро жертвует деньги во все благотворительные общества.

– Ага!

– Причем всегда анонимно.

– Интересно. Значит, будем держать мистера Белфорда в подсознании до тех пор, пока не выясним больше о покойнике.

В ответ на их запросы пришло еще два сообщения: одно из Корнуолла, второе из Честера. Гибсон добросовестно пересказал все Ратлиджу.

Житель Корнуолла ушел на прогулку в Эксмур; с тех пор его не видели. На войне его контузило, и, по словам констебля Тилли, его поступки часто отличались непредсказуемостью. Его объявили в розыск уже три недели назад. За такой долгий срок он вполне мог добраться до Лондона, например поездом. А мог сесть в попутную машину и уехать куда глаза глядят.

Поморщившись при упоминании контузии, Ратлидж заметил:

– Нам и его придется держать в голове. Как его фамилия?

– Фултон, сэр. Он из Ноттингема. До войны женился на уроженке Корнуолла; молодые поселились на ферме ее отца.

– Он вполне мог добраться до Ноттингема, – заметил Ратлидж. – Если был настроен достаточно решительно.

На пропавшего из Честера возлагать надежд не приходилось. Его ранило на войне; у него была изуродована рука. По словам тамошних полицейских, рука так и не восстановилась полностью.

– А в отчете о вскрытии ни о какой искалеченной руке не говорится, – напомнил Гибсон. – Только о ранах, которые стали причиной смерти.

– Вы передали в Честер, что их пропавший – скорее всего, не наш покойник?

– Да. Остается еще пропавший без вести из Норфолка.

– Возвращаемся к часам, – вздохнул Ратлидж. – Пора бы уже и услышать о них что-нибудь.

– А если они краденые? – предположил предусмотрительный Гибсон.

– А вы вспомните, как был одет покойник. Нет, по-моему, часы принадлежали ему.

Но Гибсона его замечание не убедило.

– Почти все карманные воры одеваются как джентльмены. Так на тебя скорее не обратят внимания в таких местах, где есть смысл шарить по карманам.

Прошла почти неделя после того, как в Челси нашли труп, когда в Скотленд-Ярд пришел ювелир Галлоуэй и попросил провести его в инспектору Ратлиджу.

Ювелира привел констебль Томас; едва войдя, Галлоуэй сообщил:

– Терпение – само по себе награда. Мне кажется, вам интересно будет кое-что узнать.

– Надеюсь, новость у вас хорошая, – ответил Ратлидж, вставая навстречу Галлоуэю. – Что написал ваш знакомый?

– Часы, которые вы мне показывали, – одни из пары. В тысяча восемьсот девяносто первом году эти часы заказали лиссабонскому ювелиру. Некий мистер Хауард Френч подарил одни сыну, другие зятю по случаю их женитьбы; через положенное время владельцы прислали часы в Лиссабон для чистки и полировки. Затем часы перешли во владение внуков мистера Хауарда Френча, которые к тому времени достигли совершеннолетия.

– Почему часы заказали в Лиссабоне, а не в Лондоне или в Париже?

– Кажется, Френч был совладельцем виноторговой фирмы на Мадейре; в Лиссабон он часто приезжал по делам. Ему было около сорока лет, когда он стал единственным владельцем фирмы и купил на Мадейре участок, где заложил собственный виноградник. Опыт превзошел самые смелые его ожидания – во всяком случае, так мне говорили.

– У его фирмы имеется лондонский филиал?

– Да, есть, но здешнее отделение занимается только импортом и торговлей. Мой лиссабонский коллега сообщает, что семья Френч владела виноградниками в Португалии, но именно виноград с Мадейры придавал их винам такое отменное качество. Должен сказать, их вина – нечто исключительное! Я сам люблю выпить бокал мадеры после хорошего обеда. И обычно предпочитаю вино из погребов фирмы «Френч, Френч и Трейнор». – Галлоуэй покачал головой. – Ну кто бы мог подумать!

Крепость мадеры повышают добавлением к вину спирта, а затем вино выдерживают при довольно высокой температуре. Отец Ратлиджа любил пятилетнюю мадеру, хотя в его погребе имелись бутылки и постарше – одна даже сорокалетняя, которую заложил на хранение еще его отец.

– Значит, начать придется с Лондона. Вряд ли Скотленд-Ярд оплатит увеселительную поездку на Мадейру.

Ювелир едва заметно улыбнулся:

– Да, по-моему, там можно приятно провести несколько дней... разумеется, не за государственный счет.

Ратлидж поблагодарил Галлоуэя и сам проводил его к выходу.

Когда он вернулся в кабинет, ему сообщили, что сержант Гибсон уединился с исполняющим обязанности старшего суперинтендента. Поэтому Ратлидж разыскал сержанта Филдинга. Через пять минут, вооружившись сведениями, которые сообщил ему Филдинг, Ратлидж уже направлялся в Сити, в фирму «Френч, Френч и Трейнор».

Когда он вошел в красивое здание, в котором размещалась контора – рядом с рынком Леденхолл, – младший клерк сообщил ему, что никого из начальства нет на месте. Судя по стилю, четырехэтажное здание с резным фасадом вполне могло быть детищем самого Рена³. Над дверью красовалась золоченая табличка с названием фирмы и ничего больше.

Ратлидж толкнул дверь и очутился в небольшой приемной. Стены в ней украшали полированные дубовые панели, стулья принадлежали эпохе королевы Анны. На полу лежал толстый турецкий ковер; яркие узоры переливались, словно драгоценные камни. Приемная сразу должна была создать образ фирмы солидной, старинной, привыкшей отвечать вкусам самых взыскательных клиентов.

Младший клерк, который приветствовал его и спросил, по какому делу он пришел, доложил о нем старшему клерку. Человек, который вышел к Ратлиджу, выглядел бы на своем месте в конторе адвоката: рослый, сидящий, с высоким лбом и еще черными бровями, придававшими его лицу выражение достоинства и властности.

Кроме того, старший клерк обладал способностью оценивать гостя одним беглым взглядом.

– Мистер Ратлидж? Я старший клерк. Моя фамилия Гудинг. Фредерик Гудинг.

– Скажите, пожалуйста, где я могу найти мистера Френча? Мне очень нужно поговорить с ним.

– К сожалению, сегодня его нет. Буду рад помочь вам, чем смогу.

– А где можно найти мистера Трейнора?

Вопрос явно удивил мистера Гудинга.

– Мистер Френч-старший погиб на войне. Мистер Френч-младший сейчас в Эссексе. Мистер Трейнор заведует отделением фирмы на Мадейре.

Ратлидж достал из кармана часы и положил на стол рядом с собой. На золотой корпус и цепочку упал яркий свет лампы.

– Вам знакомы эти часы?

– Они очень похожи на те, что мистер Френч-старший унаследовал от своего отца. После смерти Френча-старшего часы достались его брату мистеру Френчу-младшему. Их прислали с фронта вместе с вещами погибшего... – Клерк легко коснулся часов и перевернул крышечкой вверх. – Да, действительно! Судя по всему, у вас его часы... – Он вскинул голову и недоуменно посмотрел на Ратлиджа. – Как они попали в Скотленд-Ярд?

– Случайно, – ответил Ратлидж. – Мне сказали, что фирму основал дед нынешних владельцев. Дед заказал двое часов и подарил их сыну и зятю, а те, в свою очередь, передали часы своим сыновьям. Все верно?

– Семья Френч занимается виноделием на протяжении нескольких веков. Шекспир написал, что герцога Кларенса утопили в бочке с мальвазией. Если герцог Кларенс в самом деле именно так окончил свои дни, не исключено, что его утопили в вине, которое поставляло ко двору семейство Френч. Дед, как вы его называли, решил, кроме того, сам выращивать виноград и производить собственное вино, а не просто ввозить его. У него было двое детей: сын, мистер Лоренс, и дочь, которая вышла замуж за мистера Дэвида Трейнора. Мистер Хауард Френч принял Дэвида Трейнора в свою фирму компаньоном. Их сын, мистер Мэтью Трейнор, в настоящее время живет на Мадейре. У мистера Лоренса было два сына. Майкл погиб на войне. Теперь здешнее отделение возглавляет его младший брат, – сжато, почтительно и вместе с тем с некоторой досадой ответил Гудинг.

– Где именно в Эссексе я могу найти мистера Френча-младшего?

Гудинг едва заметно улыбнулся:

---

³ Сэр Кристофер Рен (1632—1723) – английский архитектор, перестроивший центр Лондона после пожара 1666 г. Создатель национального стиля английской архитектуры – реновского классицизма.

– У мистера Луиса Френча загородный дом к северу от Дедхэма. Он живет возле деревни, которая называется Стратфорд-Сент-Хилари.

Край Констебла, места на границе Суффолка, где написаны самые выдающиеся произведения великого художника! Ратлидж знал его творения с детства, потому что Констеблом восхищалась его бабушка.

– Когда вы в последний раз разговаривали с мистером Френчем? – спросил он у Гудинга.

Клерк поджал губы и ответил:

– Кажется, в прошлую пятницу. Он звонил мне и спрашивал, сообщил ли его кузен окончательно, когда приедет. Я не получал от мистера Трейнора никаких вестей, и мистер Френч остался недоволен. Правда, у мистера Трейнора есть дела и в Лиссабоне; возможно, они отняли больше времени, чем он ожидал.

Если разговор состоялся в пятницу, он случился еще до того, как в понедельник нашли тело.

– Мистер Френч обычно живет в своем загородном имении и каждый день ездит оттуда на работу в Лондон? – спросил Ратлидж.

– Нет, нет, в Лондоне у него есть дом. Он хотел приехать заранее и проследить за всеми приготовлениями к встрече своего кузена. Мистер Трейнор собирался остановиться в лондонском доме, так сказать, в родовом гнезде.

Ратлидж хотел было попросить клерка взглянуть на жертву происшествия, но передумал. Не очень-то хотелось сообщать трагическую новость, жертвой мог оказаться Френч-младший... Луис, поправил себя Ратлидж.

– Когда мистер Френч уезжает в Лондон, в его эссекском доме остается прислуга?

– Да. Кроме того, в Эссексе постоянно живет его сестра, мисс Агнес Френч. Она ведет хозяйство брата и кузена.

– Они оба холостяки?

– Невеста мистера Трейнора погибла во время войны. Мистер Френч недавно объявил о своей помолвке. – Выражение лица клерка едва заметно изменилось. – Свадьбу хотят сыграть на Рождество, – добавил он таким тоном, словно не одобрял этой затеи.

– Его невеста живет здесь, в Лондоне? – Если покойник действительно Френч, возможно, он ехал именно к ней.

– Кажется, она проживает в Дедхэме вместе со своими родителями.

Значит, поездку к невесте придется исключить. Если только у Френча не было другой женщины. Покосившись на Гудинга, Ратлидж решил: если даже у его хозяина и есть другая, старший клерк будет держать язык за зубами.

Дверь за спиной клерка оставалась приоткрытой, как будто Гудинг надеялся, что дело у Ратлиджа краткое. Ратлидж заметил край картины в тяжелой позолоченной раме; он вспомнил, что в солидных фирмах любят вывешивать портреты основателей или благотворителей.

Он обошел Гудинга со словами:

– Я бы хотел посмотреть портреты в том коридоре, если вы не возражаете.

Клерк удивленно переспросил:

– Портреты? – Он обернулся. – А-а-а... Мистер Френч и мистер Трейнор!

Старший клерк очень проворно опередил Ратлиджа и придержал для него дверь с таким видом, словно сам предложил гостю посмотреть на портреты.

Коридор оказался достаточно широким; в нишах между двумя дверями, ведущими, скорее всего, в кабинеты, висели огромные портреты.

– Оба портрета писали члены Королевской академии художеств, – пояснил Гудинг. – Это мистер Дэвид Трейнор. Когда заказали его портрет, ему было около пятидесяти.

Присмотревшись, Ратлидж узнал имя известного художника в нижнем левом углу картины.

Трейнор оказался среднего роста; светлые волосы он причесывал по моде своего времени, а серьезное выражение лица вполне соответствовало его положению. Он добился успеха и знал себе цену – впрочем, вполне заслуженную. Он стоял вполоборота, положив одну руку на большой ящик с вином, украшенный названием фирмы, а второй рукой указывал на карту, лежащую рядом с ним на столе. На карте были изображены Португалия и, чуть вдали от нее, остров Мадейра.

Сходства с жертвой, лежащей сейчас в покойнице, Ратлидж в лице Трейнора не обнаружил.

Он перешел к следующему портрету.

– Это, разумеется, мистер Хауард Френч, основатель фирмы, – пояснил Гудинг. – Иногда мне кажется, что нынешний мистер Френч похож на него гораздо больше, чем его старший брат – тот пошел в мать.

– Здесь нет портрета мистера Лоренса, сына мистера Хауарда?

– Он висит в кабинете нынешнего главы фирмы, мистера Луиса. Картина ему очень нравится.

Френч также оказался среднего роста, со среднерусыми волосами и неопределенно-голубыми глазами. Зато в форме подбородка ничего «среднего» и «неопределенного» не было. Если Трейнор добился успеха, выгодно женившись, то его тесть явно был ядром, движущей силой всего предприятия. Фирма добилась процветания благодаря его энергии и деловой сметке.

У Ратлиджа не осталось сомнений и по другому поводу. Мертвец, найденный в Челси, так напоминал портрет, что наверняка был родственником основателя, хотя он и не унаследовал от Хауарда Френча упрямый подбородок и властный вид. Зато цвет волос, рост, нос и форма головы оказались почти такими же... Конечно, Ратлидж понимал, что его выводы никак нельзя назвать окончательными.

И все же несомненное сходство, а также часы служили вполне убедительными доказательствами того, что мистер Френч-младший мертв.

Невольно напрашивались вопросы: за что его убили и где?

Глава 5

Настало время снова побеседовать с исполняющим обязанности старшего суперинтендента.

Поблагодарив Фредерика Гудинга за помощь, Ратлидж повернулся, чтобы уйти. Старший клерк из вежливости проводил его до самой двери и почти бесшумно закрыл ее. Ратлиджу показалось: старший клерк сгорает от любопытства и ломает голову над вопросом, что послужило поводом для визита представителя Скотленд-Ярда.

Но если так, почему он ни о чем не спрашивал? Почему не выказал тревогу или озабоченность? Гудинг сохранял сдержанность и невозмутимость – качества, благодаря которым все младшие клерки наверняка благоговеют перед ним. Он охотно распространялся о прошлом Френчей, но не сказал почти ничего имеющего отношение к делу.

Может, он старается делать хорошую мину при плохой игре? Или просто надеется выяснить самостоятельно, почему часы оказались в руках Скотленд-Ярда... А может, ему уже что-то известно или он догадывается, что произошло? Или боится, что какой-нибудь неблагодарный поступок нынешнего владельца пагубным образом скажется на добром имени фирмы?

Что за человек Луис Френч?

Конечно, виноторговцы не привыкли к приходу гостей из Скотленд-Ярда. У фирмы «Френч, Френч и Трейнор» никогда не было неприятностей с законом. Вопрос в том, попробует ли Гудинг найти Луиса Френча, чтобы предупредить его о приходе человека из Скотленд-Ярда и о том, что у инспектора его часы...

Ратлидж досадовал на себя. Почему он ничего не выяснил заранее? Жаль, что пришлось показать Гудингу часы. Но, когда он пришел в здание фирмы, часы были его единственной зацепкой.

Вернувшись в Скотленд-Ярд, Ратлидж узнал, что Маркем ждет его в своем кабинете. Сержант Гибсон сообщил, что у исполняющего обязанности старшего суперинтендента сейчас никого нет.

Ратлидж постучал и открыл дверь, услышав ответ Маркема:

– Войдите!

Джоуэл Маркем, подобно Боулсу, выслужился из низов, но, в отличие от своего предшественника, похоже, не держал зла на людей, окончивших университет. Он был человеком дородным; его светлые волосы уже начали редеть. На гостей он смотрел вполне добродушно, но как же ошибались те, кто принимал его добродушие за слабость характера! Его пронизательные зеленые глаза свидетельствовали об обратном.

Жестом указав Ратлиджу на стул, Маркем смерил его задумчивым взглядом и сказал:

– Надеюсь, вам есть что рассказать по поводу происшествия в Челси. Еще утром я спрашивал сержанта Гибсона, удостоите ли вы нас своим вниманием и поделитесь ли тем, как идет следствие.

Ратлидж улыбнулся:

– Я только что нашел последний кусочек головоломки, которая имеет отношение к мертвецу. И пришел к заключению, что его убили в другом месте, а труп привезли в Челси и бросили на улице, изъяв все документы и предметы, указывающие на его личность. Наверное, убийца не хотел, чтобы убитого быстро опознали. Он понадеялся, что нам не удастся ничего о нем выяснить.

Он рассказал Маркему о часах и о запросах, разосланных во все концы страны. Наконец, он поведал о своем визите в виноторговую фирму.

– И никто не объявлял этого Френча в розыск?

– По словам старшего клерка, мистер Френч звонил ему из Эссекса. Возможно, в Лондон он приехал по личным делам. Недавно он объявил о своей помолвке; может быть, собирался купить кольцо или заняться другими предсвадебными приготовлениями. Как бы там ни было, до сих пор о нем никто так и не забеспокоился.

– Тогда вам лучше съездить в Эссекс до того, как родные и близкие хватятся его. Постарайтесь успеть до того, как семья узнает новость от других. – Маркем снова бросил на Ратлиджа задумчивый взгляд. – Я слышал, вы ездите на своем автомобиле. Почему? Почему не поездом, как все нормальные люди?

Ратлидж почувствовал, что цепенеет. Как ответить, не выдавая о себе больше, чем ему бы хотелось?

– Война, сэр... – отрывисто, почти грубо начал он, по-прежнему не зная, что говорить.

– Война? – терпеливо переспросил Маркем.

После того как снаряд разорвался совсем рядом с его траншеей, Ратлидж оказался похороненным заживо. Спас его труп, упавший на него сверху. По иронии судьбы мертвецом был капрал Хэмиш Маклауд, которого Ратлидж незадолго до того приказал расстрелять за неподчинение приказу на поле боя. Он так до конца и не смог прийти в себя, потому что обязан был жизнью человеку, которому за несколько секунд до взрыва нанес завершающий удар. Молодой капрал-шотландец не хотел умирать. Но он упорно отказывался вести своих солдат в атаку на немецкие пулеметы – до того они и так потеряли много людей. Ратлидж не хотел расстреливать Хэмиша, но тот не подчинился его приказу на глазах у солдат, не оставив ему иного выхода. С того дня Ратлидж страдал клаустрофобией, которая временами становилась почти невыносимой. Он так и не смог освободиться ни от Хэмиша, ни от тяжелых воспоминаний.

Собравшись с духом, он пояснил:

– Во время войны я часто путешествовал в поездах, набитых испуганными солдатами, которых везли на бойню. Часами наблюдал за тем, как они храбрятся. У меня на глазах они писали последние письма домой, молились всем богам, в которых верили, или сидели в оцепенении, словно предвидя, что их ждет. Тогда я дал себе слово: если останусь жив, больше ни за что не буду ездить в поездах.

Он постарался ответить как можно ближе к истине и теперь ждал, что скажет исполняющий обязанности старшего суперинтендента.

Маркем некоторое время пристально смотрел на него, а затем кивнул:

– Спасибо за искренность. Ладно, езжайте в автомобиле, раз он вам больше нравится. Для меня главное – результат, а как вы его получите, не имеет значения – конечно, в разумных пределах.

Ратлидж нашел в себе силы поблагодарить начальника и выйти из его кабинета. Его так и подмывало вскочить и убежать подальше от пронизательных зеленых глаз. Он чувствовал ком в горле; ему стало трудно дышать. Его охватил страх. Казалось, что его загнали в угол, что выхода нет и позор неминуем.

Выйдя в коридор, он глубоко вздохнул и приказал себе успокоиться. На лбу у него выступила испарина, а во рту пересохло, как в пустыне.

Тревога прошла так же неожиданно, как и нахлынула на него. Ратлидж отправился к себе в кабинет. Он очень обрадовался, что никого не встретил в коридоре. И все же сердце еще несколько минут после беседы с начальником билось учащенно.

Эссекс! Он заставил себя думать о предстоящем путешествии и стал собирать все, что могло ему понадобиться. Сборы его немного успокоили. Но внезапно у него мелькнула страшная мысль: а вдруг Боулс что-то сказал о нем Маркему? А может, исполняющий обязанности старшего суперинтендента сам нашел неприятные сведения в его личном деле. Ратлидж часто подозревал, что там что-то есть.

Он встряхнулся. Нельзя давать волю воображению.

Ратлидж нашел Гибсона и рассказал, куда он едет и зачем. Выслушав его, сержант спросил:

– Может, раз уж вы едете в Эссекс, заодно заскочите и в Норфолк? Я позвоню тамошнему инспектору и предупрежу, что вы будете наводить справки о его пропавшем.

– Все зависит от того, что удастся выяснить о Френче. Похоже, до сих пор его никто не хватился. Это странно. Судя по всему, он – человек занятой, глава фирмы. Прошла целая неделя, а о нем ни слуху ни духу! Правда, его старший клерк – человек в высшей степени сведущий.

Гибсон кивнул:

– Тогда я подожду.

Ратлидж направился к лестнице, но вдруг остановился и добавил:

– Пожалуйста, наведите справки о Фредерике Гудинге, старшем клерке фирмы «Френч, Френч и Трейнор».

– Вас интересует что-нибудь конкретное? – спросил Гибсон.

Ратлидж задумался. Пока он не мог указать ничего конкретного, кроме перемены в его поведении.

– Скрупулезность, – сказал он наконец и продолжил спускаться по лестнице.

Он поехал домой, уложил вещи, написал записку сестре Франс – чтобы бросить в почтовый ящик по пути – и отправился в Эссекс.

На Тетфорд-роуд, точнее, в Бери-Сент-Эдмундс, у него жили знакомые, поэтому он неплохо знал местность. Дедхэм в «Книге Судного дня»⁴ назывался саксонским поселением; его история уходила в глубь веков. Удобно расположенный на реке Стур с круглогодичным бродом, Дедхэм процветал. Его жители занимались сельским хозяйством. Затем поселение пережило наплыв фламандских ткачей. Шерсть обогатила Дедхэм, как и многие другие городки, а когда шерсть перестала играть такую важную роль, Дедхэм погрузился в благородную безвестность. В деревне неподалеку от Дедхэма родился знаменитый художник-романтик Джон Констебл.

Движение было свободным; Ратлидж сделал остановку только на другом берегу Темзы. Он решил выпить чаю с сэндвичем. Он ничего не ел с самого завтрака, а паб оказался симпатичным, с террасой сзади, которая спускалась к речушке. Светило ласковое солнце, на террасе было тепло. Ратлиджу очень хотелось задержаться. Но он понимал, как важно успеть в Дедхэм до того, как до ушей его обитателей дойдет весть о его визите к клерку. В фирме имелся телефон; скорее всего, Френч, живя в Эссексе, имел возможность как-то связаться с Лондоном.

Вечерело; Ратлидж приехал в Дедхэм уже в сумерках. Оказалось, что усадьба Френчей находится за городом. Он решил проехать чуть дальше и проверить, нет ли рядом другой деревушки, где можно было бы остановиться на ночлег. Но если даже такая деревушка и была, то за лесом, и он ничего не увидел.

На изящных кованых воротах он увидел большую букву «Ф»; высокие каменные столбы стерегли грифоны со сложенными крыльями.

Въехав в распахнутые ворота, Ратлидж покати по длинной извилистой дорожке, которая привела его к дому, который оказался не таким большим, как он ожидал, но размер идеально соответствовал пропорциям. Он повернул к парадному входу; лучи фар осветили темно-красный кирпич, облицованный белым камнем. По обе стороны двери горели фонари. Ратлидж поднялся на крыльцо и взялся за дверной молоток, вырезанный в форме тропического цветка. Гибискуса?

---

⁴ «Книга Судного дня» – кадастровая книга (земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем в 1085—1086 гг.).

Он постучал. Спустя какое-то время дверь ему открыла пожилая женщина в черном, которая спросила, по какому он делу.

- Я приехал поговорить с мистером Френчем. Моя фамилия Ратлидж, – ответил Ратлидж.
- К сожалению, его здесь нет. Он уехал в Лондон десять дней назад.
- Очень жаль. Есть ли сейчас в доме кто-нибудь из его родственников?
- Мисс Френч. Спросить ее, примет ли она вас?
- Да, спасибо. – Ратлидж улыбнулся.

Стоя на пороге, он рассмотрел парадную лестницу и резную балясину красного дерева. Пол в холле оказался деревянным, покрытым лаком. В простенке между двумя закрытыми дверями висела картина; Ратлидж решил, что стоящий под картиной столик относится к эпохе королевы Анны. Сама картина поразила его современным сюжетом. Она была выполнена в стиле французских импрессионистов, только изображался на ней не французский пейзаж, а травянистый склон холма. Вдали паслись овцы, а впереди на пастушеский посох опирался старик, одетый в грубую накидку с капюшоном. Фигура дышала таким беспредельным одиночеством, что Ратлидж отвернулся.

Судя по всему, Хауард Френч и его потомки не кичились новообретенным богатством. Они отказались от бесконечных пристроек и обновлений. Никакого роскошного вестибюля с мраморным полом и скульптурами, призванными поразить воображение гостей. Правда, возможно, Френчи редко бывали здесь или бывали часто, но отдыхали от светской суеты, а развлекаться предпочитали в столице. Интересный штрих к портрету человека, который подарил своим наследникам часы. Часы – вещь, которая передается из поколения в поколение. Прочная, надежная, полезная.

Вернувшаяся горничная сообщила, что мисс Френч примет его в гостиной.

Ратлидж подошел к двери. Горничная легонько постучала и, распахнув дверь, представила его.

Оглядевшись, Ратлидж понял, что первое впечатление его не обмануло. Дом в Эссексе предназначался для отдыха; в нем все дышало уютом и покоем. Правда, и ковер, и мебель были высшего качества.

Женщина, стоящая у камина, ничем не напоминала виденные им в Лондоне портреты, если не считать цвета волос. Ее лицо даже очень снисходительный наблюдатель не назвал бы красивым. И темно-синее платье, которое было на ней, совсем ей не шло. В нем лицо ее выглядело землистым.

Голос у нее оказался приятным, правда, говорила она холодно.

- Мистер Ратлидж... – Она выжидательно посмотрела на гостя.
- Извините, что приехал так поздно, – сказал Ратлидж. – Мне нужно поговорить с вашим братом, мистером Френчем.
- По-моему, вам уже сообщили, что на прошлой неделе он уехал в Лондон.
- И это меня удивляет. Я побывал в конторе на Леденхолл-стрит и не застал его там.
- Он поехал в столицу по личному делу. – Мисс Френч снова помолчала, но, видя, что гость не отвечает, продолжала: – Не скрою, я не слишком обрадовалась. Мне пришлось одной готовиться к приезду нашего кузена.

– Ваш брат собирался встретиться в Лондоне с каким-то конкретным лицом?

– Понятия не имею. – В ее глазах мелькнуло раздражение. – Если хотите знать, он постоянно сбрасывает на меня все дела. Сам он терпеть не может заниматься домом – учтите, я передаю его слова. Не удивлюсь, если «срочное дело» окажется всего лишь удобным предложением. Позвольте спросить, что привело вас в Эссекс? Надеюсь, вы не хотите сообщить, что наш кузен приезжает очень скоро? Мы еще не проветрили постели!

– К сожалению, нет. – Поскольку хозяйка не предложила ему сесть, Ратлидж спросил: – Мисс Френч, может быть, мы сядем? Мои объяснения займут некоторое время.

Сначала ему показалось, что она ему откажет. После недолгой заминки она предложила ему стул, а сама села напротив.

– Только учтите, – сказала она, – я совершенно ничего не знаю о Мадейре, не разбираюсь в винах и вопросах поставок... Если вы приехали сюда по делу, то напрасно проделали такой долгий путь.

Ратлидж достал из кармана часы и показал ей:

– Знакома ли вам эта вещь?

Он сразу понял, что Агнес Френч узнала часы. Тем не менее она взяла их у него и вгляделась в них внимательнее.

– Не знай наверняка, я бы сказала, что у вас часы моего брата. Но, когда он уезжал, часы были при нем. В этом я совершенно уверена. – Она вернула Ратлиджу часы и сурово спросила: – С какой целью вы сюда приехали? Неужели думаете, что я выкуплю у вас часы? Я не дура, мистер Ратлидж, и считаю, что вы напрасно потратили время.

Она уже собиралась встать и позвать горничную, когда Ратлидж сказал:

– Мисс Френч, я из Скотленд-Ярда.

Молча опустившись на стул, она посмотрела на него в упор.

– Моя фамилия действительно Ратлидж. Однако правильнее обращаться ко мне «инспектор Ратлидж». – Он показал ей удостоверение, но она не взяла его. Она по-прежнему не сводила с него взгляда.

– Что... что натворил мой брат? Мы обанкротились? Он промотал все деньги? А может быть, ваш визит связан с приездом нашего кузена? Он имеет к этому какое-то отношение?

– Понятия не имею, – ответил Ратлидж. – Несколько дней назад меня срочно вызвали в Челси, так как на Хантингдон-стрит нашли тело. Никаких документов при нем не обнаружили, зато при нем были эти часы...

Агнес Френч вскочила, не дав ему договорить, и с застывшим лицом подошла к камину.

– Если часы были на том покойнике, – хрипло сказала она, – значит, с моим братом что-то случилось. Он бы ни за что не расстался с ними по доброй воле. Не держите меня в неведении! Тот человек убил моего брата? Вы это пытаетесь мне сказать? Прошу вас...

Ратлидж не подумал о том, что часы могли украсть у самого Френча. У него сложилось впечатление, что убийца, обыскавший мертвеца, просто не заметил фамильную реликвию.

Однако мертвец отдаленно напоминал человека на портрете...

– Мы, – осторожно начал Ратлидж, – боялись, что покойник был жертвой, а не злоумышленником.

– Мой брат не убийца. Зачем ему кого-то убивать? У него есть все, в чем только можно нуждаться. – Ему показалось, или он действительно расслышал горечь в словах мисс Френч?

На сей раз она все же потянулась к звонку и от волнения резко дернула его.

– Инспектор, на чем вы сюда приехали? Наверное, поездом.

– На автомобиле.

– Тем лучше. Пожалуйста, отвезите меня в Лондон, и мы сразу покончим с делом.

– Мисс Френч, существует вероятность, что человек, которого мы нашли на улице, может оказаться вашим братом, – ответил он, стараясь ее подготовить.

Но она отмахнулась:

– Чушь! У него на всем свете нет ни одного врага. По крайней мере, в Лондоне.

Интересно, что она имела в виду? Разговор развивался совсем не так, как он себе представлял.

– Неужели вы хотите сказать, что кто-то в Дедхэме желает ему зла?

– Не в Дедхэме, – нетерпеливо ответила Агнес Френч, – а в ближайшей деревушке. Вы ведь проезжали мимо нее? Раньше на ее месте был доминиканский монастырь; после того как Генрих VIII приказал снести его, на развалинах выросла деревушка. Там поселились слуги из

монастыря, выселенные монахи... А, Нэн. Вот и вы. Будьте добры, уложите для меня небольшой саквояж. Мне придется срочно поехать в Лондон.

После того как Нэн ушла, мисс Френч снова повернулась к Ратлиджу:

– На чем я остановилась? Ах да, на деревушке. Мой брат был помолвлен с девушкой, которая жила в деревушке у церкви, а потом бросил ее ради другой. Она так и не простила его. Если бы на него напали здесь, я бы сразу подумала на нее. Но в Лондоне? Не верю!

– Она могла поехать за ним в Лондон, – заметил Ратлидж.

– Да, да, знаю, но вряд ли поехала бы. У нее ведь нет автомобиля, и она не знает города. Агнес Френч покосилась на часы, стоящие на каминной полке.

– Подождите, пожалуйста. Я попрошу кухарку приготовить бутерброды и термос с чаем. И она ушла.

Ратлидж подумал: все люди переносят потрясение по-разному. Вот мисс Френч обязательно нужно чем-то себя занять, продемонстрировать, что она – хозяйка положения. А если на опознании выяснится, что погибший – ее родной брат? Ратлидж подозревал, что у нее не выдержат нервы.

А может, не стоит спешить с выводами? В конце концов, какие у него доказательства, кроме портретного сходства, к тому же не очень ярко выраженного?

И все же ему не казалось, что он обознался. Судя по одежде, покойный из Челси не занимался тяжелым физическим трудом, ну а часы... Часы убийца вполне мог не заметить в темноте. Ему ведь нужно было спешно избавиться от трупа.

«А может быть, он понимал, что не сможет сбыть такие приметные часики», – заметил Хэмиш.

Тоже верно. Но все по порядку. Раз мисс Френч непременно хочет поехать в Лондон, быть посему. Он ее отвезет. Покойного необходимо опознать как можно скорее.

Через двадцать минут мисс Френч, успевшая переодеться в дорожный костюм, распахнула дверь гостиной. За ней семенила Нэн с саквояжем в одной руке и корзинкой для пикника в другой.

– Спасибо, Нэн, – сказала Агнес Френч. – Я протелефонирую вам из Лондона. Инспектор, я готова.

Хотя путь был неблизкий, Ратлидж и его пассажирка в основном молчали. Усталый Ратлидж был не в том настроении, чтобы вести светскую беседу. В отраженном свете фар он видел только ее профиль. Лицо у Агнес Френч было решительным, как будто мыслями она перенеслась в Лондон и смотрела на те ужасы, которые представлялись ее разуму.

Он прекрасно понимал, в каком она состоянии, но утешать ее было бесполезно. Она его не послушает. Он уступил ей, радуясь, что решающий удар она получит нескоро, только в Лондоне. Потом у нее будет много времени на то, чтобы горевать.

В Лондон они приехали среди ночи. Останавливались по пути, только чтобы заправиться, съесть бутерброды и выпить чаю. Мисс Френч раздраженно заметила:

– Я не позвонила домой и не предупредила, что еду. Все равно там все готовили для брата. Если вы отвезете меня туда, буду завтра утром готова в любое время. Сейчас у меня уже ни на что нет сил.

– Да, очень разумное решение, – похвалил ее Ратлидж. – Девять утра – не очень рано для вас?

– Нет. Вряд ли я засну, но хотя бы... хотя бы не проведу остаток ночи в кошмарах.

Он отнес к двери саквояж и корзинку, а она нажала на кнопку звонка.

Лондонский особняк Френчей находился в красивом месте. Как и дом в Эссексе, он был изящным и пропорциональным. Ратлиджу показалось, что он постепенно начинает понимать Хаурда Френча. Основатель теперешней фирмы унаследовал дело с вековыми традициями и

способствовал дальнейшему его процветанию. Тем не менее ему хотелось, чтобы его фирму считали старинной и почтенной. Он не кичился недавно нажитым богатством. Даже часы, передаваемые из поколения в поколение, элегантные и дорогие, отличались безупречным вкусом. Ратлидж задумался. Возможно, Хауард Френч надеялся получить титул от королевы или, в крайнем случае, от Эдуарда Седьмого. Георг Пятый, теперешний король, не жаловал богачей так охотно, как его отец.

Наконец, дверь открылась. На пороге стоял молодой человек, одетый впопыхах. При виде мисс Френч он изменился в лице. Сестра Луиса Френча явилась в такой поздний час – к тому же с одним саквояжем, без горничной, зато в сопровождении незнакомого мужчины.

– М-мисс Френч! – запинаясь, проговорил он и тут же взял себя в руки. – Все ли... то есть входите, пожалуйста.

Они вошли в прихожую, и Ратлидж передал ему саквояж и корзинку.

– Извините, Роберт, что потревожила вас в такой час, но мне нужно поговорить с братом. Он дома?

– Нет, мисс... он... м-м-м... в Эссексе, как мне сказали, и до пятницы его в Лондоне не ждут.

Агнес Френч покосилась на Ратлиджа, словно призывая его к молчанию. Роберту она сказала:

– Что ж, тогда я пойду наверх. Я переночую здесь, вернее, пробуду до утра. Возможно, завтра тоже останусь ночевать. Будьте добры, передайте мисс Рул, что я здесь. В еде я неприхотлива, но, как она наверняка помнит, есть люблю вовремя.

– Хорошо, мисс, я ей передам. Вам что-нибудь еще нужно? Может быть, разбудить Нелл, чтобы она вам прислуживала?

– Нет. Дома я не привыкла к услугам горничной, она мне и в Лондоне не нужна, – отрывисто ответила мисс Френч и поблагодарила Роберта за то, что тот подумал о Нелл. Затем она протянула руку Ратлиджу: – Что ж, мистер Ратлидж, увидимся завтра в девять.

Ратлидж не обиделся; узнав, что Френча нет в лондонском доме, он сам поспешил уйти. Его проводил Роберт, который закрыл за ним дверь.

Ратлидж сел в машину, завел мотор и отправился к себе домой.

Интересно, долго ли еще мисс Френч удастся делать вид, будто ничего не случилось? Слишком многое указывало на то, что ее брат пропал – или даже умер. Ни в Лондоне, ни в Эссексе его не было; часы оказались в Скотленд-Ярде. И даже Гудинг, старший клерк фирмы, ничего не знал о местонахождении Френча. А может быть, клерк все же знал что-то, чего не знал Ратлидж?

Интересно... Чем бы ни занимался Френч, едва ли он оборвал все связи со своей фирмой. С такой мыслью Ратлидж подошел к двери квартиры и отправился напрямик в спальню. К счастью, заснул он почти сразу же и до самого утра спал без сновидений. Это свидетельствовало о том, как сильно он устал.

Когда ровно в девять на следующее утро он усаживал мисс Френч в автомобиль, ему показалось, что она вовсе не спала. Веки у нее распухли, глаза покраснели, отчего она стала еще некрасивее, а попытки успокоиться выражались в ее плотно сжатых губах.

– Прошу вас... Давайте покончим с делом как можно быстрее. Я согласна на все, лишь бы все было кончено, – сказала она.

Он поехал в больницу, где договорился заранее о том, что тело подготовят к осмотру. Они спустились в подвал и подошли к неприметной двери посередине тускло освещенного коридора.

Открыв дверь, Ратлидж пропустил мисс Френч вперед, но она вдруг отпрянула. Руки у нее задрожали.

– Я... Сейчас, минуточку.

Ратлидж отпустил дверь и стал ждать. Ему показалось, что его спутница вот-вот упадет в обморок – так она побледнела. Но ей наконец удалось встряхнуться, она задышала чаще, глаза наполнились слезами. После того как она кивком показала, что готова, он завел ее в большой зал, где было холодно и пахло формальдегидом.

Ратлидж протянул ей руку – он хотел поддержать ее под локоть. Не обращая на него внимания, Агнес Френч подошла к столу под яркой лампой, на котором лежало накрытое тело. Под простыней угадывались очертания фигуры – ноги, череп. Она сглотнула слюну и с усилием дернула головой.

Из соседнего помещения вышел служитель средних лет. Подойдя к столу, он сдернул простыню с лица покойного.

Мисс Френч подошла к столу после того, как служитель аккуратно задрапировал складками простыни шею, открывая только лицо. С головы покойного смыли грязь и мелкие камешки. Если не считать похожих на веснушки ссадин и царапин на лбу, скуле и подбородке, кожа мертвеца стала чистой.

Агнес Френч вцепилась в свою сумочку, как в спасательный круг. Покосившись на нее, Ратлидж увидел, что глаза у нее закрыты; наверное, она закрыла их, еще когда вошла сюда. Через миг она открыла их и пошатнулась. Он коснулся ее плеча.

– О боже! – еле слышно произнесла она. – О боже!

– Мисс Френч, это ваш брат?

На миг она прижалась к нему, но потом опомнилась и отшатнулась, словно досадуя на свою минутную слабость.

– Мисс Френч, вы должны ответить громко и четко, чтобы мы со служителем расслышали ваши слова, – подсказал Ратлидж.

– Нет. Нет, это не мой брат Луис! – Ее пронзительный голос эхом отдавался от стен.

А потом она упала в обморок.

Глава 6

Ратлидж отнес мисс Френч в небольшую приемную, куда его провел служитель. Вскоре она пришла в сознание.

Ее слова изумили Ратлиджа. Но он не стал ничего уточнять, пока лицо ее снова не порозовело и она не поняла, где находится. Она круто развернулась, как будто ожидая увидеть у себя за спиной стол с трупом, накрытым простыней.

– Все хорошо, – тихо произнес Ратлидж. – Здесь нас никто не потревожит. Мы можем оставаться здесь столько, сколько вы пожелаете.

Агнес Френч обмякла и снова закрыла глаза. Через миг она сказала:

– Майкла... моего старшего брата... похоронили во Франции. Я не... Мы так и не видели его.

– Но только что вы видели Луиса? – Ратлидж не был уверен, что мисс Френч понимает, что говорит.

Она открыла глаза, очевидно придя в себя.

– Я ведь вам сказала. Это не Луис. Хотя вначале... вначале я заметила ссадины у него на лице... и испугалась. Нет, там не мой брат.

– Вы совершенно уверены?

– Совершенно. – Заметив у него в руке стакан с водой, Агнес Френч взяла его, но тут же вернула. У нее так дрожали руки, что она не решилась поднести стакан к губам. – Пожалуйста, давайте уйдем отсюда! Этот запах... Меня от него мутит.

Другие свидетели говорили то же самое. Сам Ратлидж давно привык к специфическому запаху покойницкой. Хотя так и не привык к мертвецам, даже после четырех лет, проведенных во Франции, где трупы попадались чаще, чем крысы.

Он подал мисс Френч руку, и они вместе зашагали по длинному коридору. На улице, у машины, она как будто полностью пришла в себя, натянула перчатки и принялась возиться с пуговицами на запястьях, словно желая отвлечься.

Когда больница осталась позади, она сказала:

– Не понимаю, с чего вы взяли, будто тот человек – Луис.

– Из-за часов. Часы привели меня в фирму «Френч, Френч и Трейнор». Их узнал тамошний клерк, который и сообщил, что Луис Френч сейчас в Эссексе. Я поехал в Эссекс, чтобы все выяснить. В лондонском доме его нет. Тогда где же он?

– Понятия не имею. Мой брат живет своей жизнью с тех пор, как окончил университет.

– Он воевал?

– Нет. У него... припадки. Из-за них его не взяли в армию. Отказались от него, как от чумного. Их отношение задело его до глубины души, хотя виду он не показывал...

Значит, у Луиса Френча нет боевых ранений, которые помогли бы его опознать. Ратлидж никак не мог свыкнуться с мыслью, что мертвец из Челси – не Френч.

Помимо всего прочего, он отдаленно напоминал портрет Хауарда Френча.

Как будто прочитав его мысли, мисс Френч сказала:

– По-моему, у моего отца была любовница. Мне о ней, конечно, не говорили, но помню, что мама плакала, когда отец долго не приезжал домой, сославшись на срочные дела. И только потом я поняла, почему его отсутствие так огорчало ее. А когда он умер – он пережил маму, – в его столе нашли фотографию женщины. Она лежала в потайном отделении, и я нашла ее случайно. Может быть, мама тоже видела ее. Не знаю. Я часто гадала... и часто разглядывала деревенских ребятишек, ища сходство. Правда, вряд ли он завел бы интрижку с кем-то из местных – он не был дураком. Ведь тогда о них сразу поползли бы слухи... Так что, скорее всего, его любовница жила в Лондоне.

– Хотите сказать, что тот покойник, возможно, – ваш единокровный брат?

Агнес Френч глубоко вздохнула.

– Бывает, женщины рожают детей вне брака, – сказала она и вдруг расплакалась. – А ведь на его месте мог оказаться Луис! Я еще не совсем пришла в себя после гибели Майкла... Что, если бы я потеряла и Луиса? – Она порылась в сумочке, достала платок и закрыла им лицо.

Они почти добрались до лондонского особняка, когда она севшим от слез голосом произнесла:

– Мне так жаль... Конечно, вы меня огорошили. К тому же мы с Луисом плохо расстались. Поссорились перед самым его отъездом... и из-за чего... подумать только... из-за проветривания спален! Я так злилась на него! Конечно, я не замужем, у меня нет своего дома, но я не прислуга и не потерплю, если со мной будут обращаться как с прислугой!

Увидев Роберта, Ратлидж вздохнул с облегчением. Они вдвоем отвели мисс Френч в дом, и, когда захлопнулась дверь за лакеем и женщиной, находящейся на грани нервного срыва, Ратлидж услышал, как встревоженный молодой человек предложил:

– Может быть, позвать миссис Рул? Она знает, что делать.

Вечером они договорились поужинать с Франс. Ратлидж опоздал на двадцать минут.

Передав мисс Френч на попечение слуг ее брата, Ратлидж вернулся в контору виноторговцев в Сити. Фредерик Гудинг вышел к гостю после того, как его приветствовал еще один молодой клерк, на сей раз по фамилии Симмонс. Гудинг провел Ратлиджа мимо портретов и проводил в кабинет, где на столешнице большого письменного стола лежали накладные, счета-заказы и декларации судового груза.

– Я просматриваю бухгалтерские книги, – словно извиняясь, пояснил он. – Это одна из моих обязанностей. Покойный мистер Френч, отец мистера Луиса, считал, что ежеквартальная проверка счетов препятствует растрате и хищениям и позволяет ясно представлять, каково положение дел в фирме. Когда прибывает очередная партия вина, мы прослеживаем, кто ее купил, в каких бочонках перевозят вино и каков урожай в определенном году. Кроме того, необходимо следить за состоянием вина, которое выдерживается в отделении в Фуншале.

– И каково сейчас положение дел фирмы?

– Откровенно говоря, дела идут неплохо. После окончания войны нам везет. Удалось восстановить клиентуру и найти суда, пригодные для перевозки нашего товара. Судостроение понесло большие потери; не мне вам рассказывать о нападении подводных лодок и бомбардировке конвоев. Но, по-моему, более новые суда быстрее оборачиваются с учетом времени на погрузку и выгрузку. Во всем всегда надо искать и что-то хорошее... – Поняв, что увлекся, Гудинг умолк, а потом спросил: – Вы съездили в Эссекс? Поговорили с мистером Френчем?

– В Эссексе его не оказалось, – ответил Ратлидж. – Как и в лондонском особняке. Сейчас там остановилась его сестра. Она понятия не имеет, где искать мистера Френча. Я надеялся, что мне поможете вы.

Гудинг нахмурился:

– Очень странно! Если мистеру Френчу бывает нужно уехать, он всегда подробно сообщает, где остановится, чтобы в случае необходимости я мог его найти. Он сказал, что будет в Эссексе, и я не сомневался, что он действительно в Эссексе.

– Если он, конечно, не умер.

Гудинг побледнел:

– Не говорите так! Если с мистером Френчем что-то случится, некому будет возглавить английское отделение фирмы!

– У него ведь есть сестра.

– К сожалению, мисс Френч не разбирается в делах... она едва ли способна руководить фирмой. – Гудинг пытливо посмотрел Ратлиджу в глаза. – Но ведь вы не... У вас часы мистера Френча. Он нигде без них не появляется. Может быть, вы чего-то недоговариваете?

– Прежде чем я что-либо расскажу, – ответил Ратлидж, – мне нужно обсудить с вами кое-что еще. Мне говорили, что у отца мистера Френча была другая семья, о существовании которой не знали законные жена и дети. Это правда?

Ему показалось, Гудинг не удивился бы так сильно, даже если бы он предположил, что у покойного мистера Лоренса Френча было две головы и он родился готтентотом.

– Если даже мистер Френч, которому я служил много лет, и завел вторую семью, – ответил он после паузы, – со мной он не делился. А о подробностях его личной жизни предлагаю вам побеседовать с его поверенным. Фирма «Хейз и Хейз».

Но тот мистер Френч, которому служил Гудинг, был человеком пожилым. Он вряд ли сделал бы своим поверенным старшего клерка, который был к тому же моложе его по возрасту. Кроме того, ответ Гудинга означал, что в фирме не сплетничали о владельцах. Старший клерк вел себя весьма благоразумно. Ничего удивительного, если он ожидал, что сын и племянник в будущем возьмут в свои руки бразды правления.

– У меня есть основания полагать, что неделю назад мистер Френч погиб в автомобильной катастрофе, – сказал Ратлидж. – Мисс Френч сегодня утром приехала на опознание. Она не узнала покойного.

– Значит, это не ее брат. Ведь она знает его лучше, чем кто-либо другой.

– Вы поедете со мной, чтобы взглянуть на тело?

– Нет, – решительно ответил Гудинг. – Если мы с мисс Френч разойдемся в суждениях, кому из нас вы поверите на слово?

– Вынужден буду поверить ей. И одновременно продолжу поиски Луиса Френча.

– Тогда мое слово окажется лишним.

Уговорить Гудинга ему так и не удалось.

В конце концов Ратлидж отправился на поиски адвокатской конторы «Хейз и Хейз». Мистер Хейз-старший согласился его принять. Ратлидж ничего не сказал ему о мертвеце. Он начал с завещания покойного мистера Френча.

– Я хотел бы узнать, оставил ли мистер Френч распоряжения касательно своей второй семьи, о которой ничего не знали его жена и дети.

Хейз посмотрел на него исподлобья, впрочем, возможно, просто его веки нависают над глазами в силу почтенного возраста. Серые, глубоко посаженные глаза старика холодно смотрели на гостя. Кустистые седые брови напоминали давно не стриженную живую изгородь. Ратлидж невольно подумал: наверное, старик в свое время наводил страх на своих оппонентов в зале суда.

– Я мог бы, конечно, показать вам копию завещания, – сказал наконец Хейз. – Но уверяю вас, что в нем ни словом не упомянуты ни любовница, ни внебрачные дети. – Ратлидж собирался ответить, но Хейз поднял жилистую руку. – Нет и никаких дополнительных распоряжений на сей счет. С чего вы взяли, что такие условия имеются?

– Сегодня утром мисс Френч ездила со мной взглянуть на покойника, которого я по ошибке принял за ее брата. Она перенесла известие очень тяжело. Я был почти уверен, что найденный нами покойник – Луис Френч. Мисс Френч заверила меня, что это не он. И позже рассказала мне, что ее мать весьма тревожилась по поводу неверности мистера Френча. Тогда было бы понятно, почему просматривается сходство между покойным и портретом основателя фирмы. Возможно, он – внебрачный сын мистера Френча-старшего.

– Мисс Френч сильно заблуждается. Насколько мне известно, ее отец хранил верность супруге. Это у его отца, мистера Хауарда Френча, была интрижка до женитьбы. Молодая жен-

щина умерла родами. Ребенка усыновил один из слуг его отца. Кажется, ему не говорили, кто его настоящие родители.

Ратлидж подумал: теперь понятно, почему нервная и неуверенная в себе жена подозревала в измене собственного мужа. Он задумчиво спросил:

– Мать Луиса Френча была богата?

– Она была очень богата. Ее отец нажил состояние на судоходстве; после ее замужества фирма «Френч и Трейнор» заключила очень выгодный контракт на перевозку своих вин по всему свету.

Теперь понятно, почему несчастная жена была такой неуверенной в себе... А если еще предположить, что некрасивая дочь пошла в нее...

– Значит, тот мертвец вполне может оказаться... м-м-м... внебрачным потомком Хауарда Френча?

– Возможно. Хотя и маловероятно.

Но как тогда у него оказались часы? И где Луис Френч?

– Известна ли вам фамилия, которую дали внебрачному ребенку при усыновлении?

– Насколько мне известно, записей о тех событиях не сохранилось. В свое время мистер Хауард Френч позаботился о ребенке и его родителях; ни после его смерти, ни после смерти его сына, отца Луиса Френча, никаких завещательных распоряжений оставлено не было.

Хауард Френч идеально разобрался с глупостями, которые наделал по молодости. Слугам подарена кругленькая сумма, чтобы они переехали куда подальше и забрали с собой ребенка. Приемный отец – кто он? Лесник, лакей, кучер, старший садовник? Никто ничего и не подумает о семействе, которое внезапно получило небольшое наследство от дальнего родственника и решило переехать в оставленный им домик в Уэльсе, Кенте или Камберленде. Будет просто чудо, если спустя много лет найдется человек, который помнит все обстоятельства дела.

– А свидетельство о крещении?

– Ребенка, скорее всего, крестили в той деревне, куда переехали его приемные родители. А может, и нет.

Если слуги принадлежали к неангликанской церкви, найти такую запись почти невозможно.

Тупик. А Ратлидж терпеть не мог тупики.

– Если человек в покойницкой – не Луис Френч, то кто он? И почему Луиса нет ни в Эссексе, ни в лондонском особняке?

– Не могу ответить на ваш вопрос, – сказал Хейз. – И вовсе не потому, что мне не хочется отвечать. Просто ответа я не знаю. Но если он собирался что-то предпринять без ведома сестры, значит, это его дело и Скотленд-Ярда оно не касается.

Ратлидж вскоре ушел. Из многолетнего опыта общения с адвокатами он знал: они обычно не лгут, а на заданные вопросы отвечают точно. Однако их ответы редко выходят за рамки заданных вопросов – если только известные им сведения не служат к их выгоде. Судя по всему, где-то в обширной картотеке мистера Хейза хранится ответ на его вопрос, но, чтобы добыть нужные сведения, придется постараться и придумать изощренную формулировку вопроса. Ратлидж невольно улыбнулся про себя. В одном он сейчас был уверен: Хейз не скрывает от него местонахождение Луиса Френча.

Он продолжал думать об этом деле за ужином, хотя и старался скрыть рассеянность от сестры. Франс была очень восприимчива ко всему, что касалось ее брата; ей удалось отвлечь и развеселить его.

Но, когда он в конце вечера возвращался к себе домой, понял, что ему придется поверить мисс Френч на слово. Человек, которого подбросили на Хантингдон-стрит в Челси, – не ее брат. Устраивал его такой ответ или нет, другого не было.

На следующее утро Ратлидж явился с докладом к исполняющему обязанности старшего суперинтендента.

Маркем слушал его внимательно, время от времени кивая. Когда Ратлидж закончил, он подался вперед в своем кресле и сдвинул брови.

– Вы так и не выяснили личность подброшенного нам трупа. Вы не можете объяснить, кто его убил и почему у него оказались часы, на которые у него нет никаких прав. Более того, вы не можете найти законного владельца часов, Луиса Френча.

Ратлидж глубоко вздохнул:

– У Френча есть невеста в Эссексе. Мне хотелось бы поговорить с ней до того, как мисс Френч вернется из Лондона. Во время моего первого визита заезжать к невесте не было смысла. Возможно, Френч поделился своими планами именно с ней, а не с сестрой.

– У брата с сестрой не очень хорошие отношения?

– У меня сложилось впечатление, что Френч обманывает сестру. Она ведет хозяйство в родовом гнезде и сейчас вовсю готовится к приезду кузена. Она злилась на Френча за то, что он уехал вместо того, чтобы помогать ей.

Маркем сплел пальцы, вытянул их и расцепил руки.

– А мертвец, случайно, не кузен?

– Его бы мисс Френч наверняка узнала. Старший клерк со дня на день ждет известий о прибытии Трейнора. Он должен вскоре приехать в Англию с Мадейры. Кузен возглавляет отделение фирмы в Фуншале.

– Что еще за Фуншал? – брюзгливо спросил Маркем.

– Главный город португальского острова Мадейра. Именно там вели дела три поколения фирмы «Френч, Френч и Трейнор». Очевидно, прежде они работали в Лондоне и занимались исключительно импортом вин и крепких напитков.

Маркем состроил удивленную мину.

– Неужели вы хотите сказать, что собираетесь съездить на Мадейру?

Ратлидж улыбнулся про себя, вспомнив, что йоркширцы печально известны своей прижимистостью.

– Не сомневаюсь, все нужные нам сведения можно получить через тамошнюю полицию.

Маркем откинулся на спинку кресла; лицо у него прояснилось.

– Тогда отправляйтесь в Эссекс. И пожалуйста, постарайтесь узнать там хоть что-нибудь. Мне нужны результаты.

Час спустя Ратлидж снова был в пути. Он направлялся в сторону Дедхэма.

«Какие еще результаты?» – спросил он себя, проезжая по запруженным лондонским улицам и поворачивая на восток, а затем на север.

Хэмиш, проснувшийся у него в подсознании и отражавший беспокойство самого Ратлиджа, заметил: «Знаешь, теперь тебе нельзя возвращаться ни с чем».

Первым делом он разыскал местный полицейский участок и побеседовал с констеблем. В прошлый его приезд в визите вежливости нужды не было, а теперь такая необходимость появилась. Ратлидж надеялся, что ему не придется иметь дело с более крупным участком в Дедхэме. Хотя в маленьких участках, как правило, служил один-единственный констебль, он обычно лучше знал жителей окрестных деревень. Кроме того, деревенские констебли не так ревниво относились к вторжению сотрудников Скотленд-Ярда на их территорию.

Проехав примерно милю от дома Френчей, Ратлидж нашел деревню Стратфорд-Сент-Хилари. Следов доминиканского монастыря он не заметил, хотя решил, что собор и прочие постройки вполне могли уместиться на большом лугу. Судя по всему, в Сент-Хилари размещалась не основная ветвь доминиканского ордена. Вокруг луга стояли довольно живописные дома и лавки. Над красивым старинным пабом висела вывеска «Кружка и черепаха». Вполне воз-

можно, паб построили еще в эпоху почтовых карет. Он с сомнением окинул взглядом небольшое здание. Вряд ли здесь сдают комнаты проезжающим, хотя кто знает? Может быть, один или два усталых путника и сумеют найти здесь ночлег. В парке за пабом журчал ручеек; он исчезал в негустой рощице. На другом берегу ручья, за рощей, виднелась колокольня. Интересно, церковь построили на доходы от продажи шерсти или храм стоял здесь вместе с монастырем? Судя по церкви, деревня Сент-Хилари не совсем пришла в упадок.

Полицейский участок оказался втиснут между писчебумажной лавкой и булочной с узким фасадом. Булочная была уже закрыта, но, проходя мимо двери, он потянул носом и уловил слабый запах дрожжевого теста и корицы, который плыл в теплом вечернем воздухе.

Констебля на месте не оказалось. Но он оставил записку для всех, кому мог понадобиться, на небольшом щитке у двери. Записка гласила:

«ДОМА».

Где находится дом констебля, в записке не уточнялось.

Ратлидж рассчитывал, что констебль назовет ему имя и адрес невесты Френча. Теперь пришлось подумать о другом источнике информации. В деревне им обычно служит приходской священник.

Выйдя из машины, он зашагал к церкви. Она стояла на вершине невысокого холма, окруженная кладбищем. Он шагал между замшелыми, покосившимися надгробными плитами, между которыми попадались плиты более новые. Надгробья словно маршировали вверх, останавливались у стен церкви и вновь появлялись на другой стороне склона.

Усыпальница семейства Френч находилась на лучшем участке, у самой колокольни. Рядом с мавзолеем Френчей стояли и другие величественные памятники и скорбящие ангелы. Склеп семейства Трейнор Ратлидж заметил у подножия холма: сломанное копье, обвитое траурной лентой, – очень по-викториански.

Скромный дом священника стоял в переулке фасадом к кладбищу. Ратлидж зашагал туда. Солнце уже скрылось за тисами, обступившими три стороны невысокой ограды.

На стремянке стоял мужчина в рубашке с закатанными рукавами. Он красил фасад.

Повернув на дорожку, Ратлидж громко спросил его:

– Священник у себя?

Стоящий на стремянке человек повернулся к нему и ответил:

– К сожалению, нет. Чем я могу вам помочь?

– Я ищу Луиса Френча. Дома его нет. Как и его сестры...

Мужчина пролил краску, извлекая кисть из ведерка, не вытерев ее.

– Провались ты пропадом! – воскликнул он и, обернувшись к Ратлиджу, уточнил: – Мисс Френч нет дома?

– По-моему, она еще не вернулась из Лондона.

– Она в Лондоне?! Что-то случилось?

– А что-то должно случиться? – ответил вопросом на вопрос Ратлидж.

Мужчина спустился со стремянки.

– Она никогда не выезжает из Сент-Хилари... Разве что в магазины в Дедхэм. – Он уныло посмотрел на свои заляпанные краской пальцы. – Руку не предлагаю. Приходской священник нашей деревне не положен. Я викарий, младший приходской священник. Моя фамилия Уильямс.

Уильямс выглядел сравнительно молодо – Ратлидж дал бы ему лет тридцать. Он обратил внимание, что викарий прихрамывает при ходьбе. Проследив за направлением взгляда Ратлиджа, викарий поморщился и объяснил:

– Война! Я был солдатом, а потом, после того как меня комиссовали, стал армейским капелланом. А зачем Агнес Френч поехала в Лондон?

– Она искала брата. И не нашла его. Я подумал, может быть, его невеста знает, куда он уехал. Он покинул Эссекс почти две недели назад. Судя по всему, с сестрой он своими планами не поделился.

– Он редко с ней делится, – заметил Уильямс, покачивая головой.

– Они не ладят? – с интересом спросил Ратлидж.

– Этого я бы не сказал. Оба брата... то есть Майкл, погибший на войне, и Луис... часто бывали в Лондоне с отцом; он обучал их всему, чтобы сыновья потом смогли работать в семейной фирме. Агнес – домоседка. Никогда никуда не ездила.

– Сама не хотела или ее не звали?

– Да я не знаю, – ответил Уильямс, подумав и склонив голову набок. – Меня ведь здесь тогда еще не было. Говорили, что сначала ей пришлось ухаживать за матерью – у той было слабое здоровье. Потом отца парализовало, и она ходила за ним. Так и положено поступать дочерям. Особенно незамужним.

– Сыновья... Луис и Майкл... ездили на Мадейру? – спросил Ратлидж.

– Да, почти с самого детства – лет с двенадцати. Так мне говорили. А Агнес никогда не выказывала интереса к путешествиям.

– Или притворялась, что не любит путешествовать, – предположил Ратлидж, – после того, как поняла, что ее никуда не берут.

– Она не похожа на человека, которого можно куда-то не взять вопреки ее воле.

Ратлидж подумал: если решение отца больно ранило ее, она могла не показывать виду. Во всяком случае, сейчас ее поведение было весьма красноречивым.

– Насколько я понял, Луис управляет лондонским отделением фирмы...

Уильямс кивнул и принялся вытирать пальцы испачканной тряпкой. Ратлидж продолжал:

– Если что-нибудь случится с братом, мисс Френч займет какой-либо пост в фирме?

– Нет. Я уверен, что нет. Видите ли, она не получила соответствующей подготовки. И потом, остается еще кузен Трейнор. Он наверняка охотно встанет к штурвалу... – Уильямс бросил взгляд вверх. – В последний раз, когда Трейнор приезжал в Англию – еще до войны, – он заплатил за ремонт дымоходов. До того момента дом священника много времени простоял необитаемым; трубы забились, и в комнатах невозможно было находиться, весь дым шел туда. Меня тогда здесь, разумеется, не было, но мой предшественник рассказал, кого мы должны благодарить за щедрость. Извините, я отклоняюсь от темы. Зачем мисс Френч понадобилось разыскивать брата?

– Спросите ее сами, когда она вернется. Я-то пришел к вам по другому делу. Мне хотелось бы побеседовать с невестой Луиса Френча.

– Мэри Эллен Таунсенд живет в Дедхэме. Ее дом недалеко от церкви. Вы его не пропустите, на двери соседнего дома есть табличка. Ее отец – местный врач и устроил там свою приемную. – Викарий покосился на собственное жилище. – Похоже, на сегодня придется закругляться – уже темнеет. Не буду притворяться, что сожалею. Терпеть не могу красить, но больше-то некому.

Извините, я не расслышал, как ваша фамилия?

Ратлидж точно помнил, что не представлялся.

– Ратлидж.

– Что ж, всего вам хорошего, мистер Ратлидж. Надеюсь, вам понравится в Сент-Хилари.

Ратлидж возвращался к машине, слушая Хэмиша.

«Ты не сказал ему всей правды. И не сказал, кто ты такой», – твердил совсем рядом знакомый голос с мягким шотландским выговором. Он как будто стоял слева, за спиной Ратлиджа – как на фронте. Ратлидж понимал, что никакого Хэмиша у него за спиной сейчас нет. Но ему не хватало храбрости обернуться и проверить это.

– Иногда вся правда – не лучший выход, – ответил он вслух. Прохожий, выгуливавший собачку, наградил его подозрительным взглядом.

Ратлидж поехал назад, в Дедхэм, где в самом деле довольно быстро нашел приемную врача.

Она располагалась в небольшом кирпичном здании, примыкающем к четырехэтажному дому, где жил доктор Таунсенд с семьей. Оставив машину на главной улице, Ратлидж поднялся на крыльцо и постучал в дверь.

Ему открыла горничная, и он спросил, дома ли мисс Таунсенд.

– Как вас представить, сэр?

– Ратлидж, – ответил он. – Я ищу Луиса... Луиса Френча. Дома его нет; кто-то предположил, что он, возможно, здесь или что мисс Таунсенд знает, куда он уехал. Мне срочно нужно его найти по делу.

– Минуточку, сэр.

Через две минуты на крыльцо вышла молодая женщина – довольно хорошенькая голубоглазая блондинка.

– Мне сказали, что вы ищете Луиса. Я думала, что он уехал в Лондон. Что-то случилось?

Ратлидж огляделся. В их сторону двигалась пожилая пара, радуясь теплоте вечера.

– Можно войти? – спросил он.

– Да, конечно.

Мисс Таунсенд проводила его в гостиную, где предложила сесть. Сама она села не сразу, как будто боялась, что гость задержится дольше, чем ей хотелось бы.

– В лондонском отделении фирмы мне сказали, что Луиса Френча можно найти здесь, в Эссексе. Приехав сюда, я узнал, что он уехал несколько дней тому назад. Его сестра тоже не знает, где он, но предположила, что, возможно, вы в курсе его планов.

Молодая женщина явно удивилась:

– В самом деле? К сожалению, я сама ничего не знаю. Луис заезжал к нам в четверг, до отъезда; он отобедал с нами и сказал, что на следующий день хочет пораньше отправиться в Лондон. Ему нужно связаться со своим кузеном на Мадейре. Он сказал, что возник вопрос, который ему нужно обсудить с мистером Трейнором.

– Я слышал, мистер Трейнор едет в Англию.

– Да, но он точно не знал, когда приедет, а Луис не хотел ждать его приезда.

– Вам показалось, что он расстроен из-за того вопроса, который необходимо было обсудить с кузеном?

– Н-нет... не расстроен. У меня возникло чувство, что он больше был раздражен, выведен из себя. Он сказал, что всегда гадал, как он решит задачу, если она возникнет, и вот она возникла, и он понял, что без помощи кузена не справится. Если Луису нужен совет, он обычно обращается к клерку Гудингу; я предложила ему позвонить в Лондон по телефону, а не ехать туда самому. Но он покачал головой и сказал, что в данном случае даже Гудинг бессилён. Потом он сменил тему, и мы заговорили о другом.

«Он сказал, что всегда гадал, как он решит задачу, если она возникнет, и вот она возникла, и он понял, что без помощи кузена не справится...»

Нетрудно было предположить: Луис встревожило неожиданное появление представителя побочной линии семьи. И если его мать действительно боялась, что муж ей изменяет, Луис Френч заранее готов был поверить в самое худшее.

Встретился ли он с тем человеком? Что произошло? Если умер тот, другой, неужели Луис Френч убил его, а затем скрылся?

Если не считать часов, ничто не связывало покойника с семьей Френч.

Вполне возможно, Луиса тревожили другие дела. Например, необходимость смены судовой компании-партнера или новый управляющий банком... Какой-нибудь по-настоящему важный вопрос, принять решение по которому имели право только владельцы фирмы.

«А может, – сказал Хэмиш, – он устал ссориться с сестрицей и терпеть ее постоянно дурное настроение».

Интересная мысль! Агнес Френч сама сказала Ратлиджу, что перед отъездом брата в Лондон они поссорились.

Видя, что гость молчит, мисс Таунсенд спросила:

– Вы – знакомый Луиса? По-моему, он никогда не говорил мне о вас.

– Ничего удивительного, – ответил Ратлидж. – Ведь я знаю его лишь... официально.

Ее лицо осветилось улыбкой.

– Я почти ничего не понимаю в его делах, – призналась она. – И боюсь, ни разу в жизни не пробовала ни портвейна, ни мадеры. Мой отец не выносит ни вин, ни крепких напитков.

– А вы собираетесь замуж за человека, который зарабатывает на жизнь вином!

– Отец не против, он все понимает. Его отношение к спиртному... сугубо личное.

Ратлидж не впервые встречался с подобными взглядами и готов был поспорить: кто-то в родне Таунсенда-старшего был горьким пьяницей.

– Мне очень жаль, что я не смогла вам помочь, – продолжала мисс Таунсенд.

Хотя невеста Луиса Френча явно указывала ему на дверь, Ратлидж узнал больше, чем рассчитывал.

– Вы не помните, когда прощались с мистером Френчем, на нем были часы?

– Его часы? – растерянно переспросила мисс Таунсенд. – Мне следовало их заметить?

– Нет-нет, что вы. Я просто подумал, что он, может быть, их потерял и из-за них не явился на нашу встречу.

Мэри Эллен улыбнулась; лицо у нее прояснилось.

– Луис никогда никуда не опаздывает. Нет, должно быть, у него была другая причина.

Он собирался поблагодарить ее и откланяться, когда дверь открылась и в гостиную вошел представительный светловолосый мужчина с усами.

– Мэри, мне сказали, к нам кто-то пришел.

– Папа, это мистер Ратлидж. Он ищет Луиса. По каким-то делам фирмы.

– Вот как?

– Мисс Таунсенд, спасибо за помощь. Возможно, в Лондоне мы с ним просто разминулись. Попробую найти его снова. До свидания, сэр.

Ратлидж поспешил уйти, не дожидаясь, когда Таунсенд начнет задавать вопросы. Он не готов был отвечать на них. Когда он открывал наружную дверь, услышал, как хозяин дома произнес:

– Ты не должна принимать незнакомых людей в отсутствие членов семьи. Более того, я скажу Френчу, чтобы не присылал сюда своих деловых знакомых... – Ратлидж закрыл за собой дверь, поэтому не услышал остального.

Возвращаясь к машине, он выругался себе под нос. Ни то ни се... Откуда у мертвеца часы? Или, если повернуть вопрос по-другому, почему Луис отдал их? Часы – символ того, кто он и что он... Едва ли он согласился добровольно расстаться с такой вещью.

Хэмиш сказал: «Если только его не попросили отдать часы ненадолго».

Ратлиджу пришло в голову, что Френч мог подсунуть своему противнику часы, а потом, улучив удобный момент, убить его... Тогда почему он не забрал свою собственность? Может быть, часы его выдавали?

Кстати, неясно, что случилось еще с одной вещью, принадлежавшей Луису Френчу, – с его машиной. Может, она так пострадала, что он не мог ехать на ней в Лондон, чтобы не возбуждать лишних вопросов? И где она – у какого-нибудь безмозглого кузнеца, который чинит ее, чтобы

Френч мог вернуться на ней домой? Разыскать нужную мастерскую в какой-нибудь деревушке не сумел бы даже Гибсон.

Ратлидж поехал в гостиницу «Солнце», построенную очень давно и бывшую в прошлом постоянным двором. Он снял номер на ночь. Возвращаться в Лондон, так или иначе, уже поздно, а здесь он может с пользой провести завтрашнее утро.

Он вернулся к дому Френчей в девять утра на следующий день. Ему открыла Нэн и сразу посмотрела за спину Ратлиджу, как будто рассчитывала увидеть, как ее хозяйка вылезает из машины.

– К сожалению, – сказал Ратлидж, – мисс Френч решила на несколько дней задержаться в Лондоне. Я приехал, чтобы кое-что выяснить. Скажите, мистер Френч оставил машину здесь или поехал на ней в Лондон?

Нэн молча уставилась на него.

– Видите ли, дело в том, что мы никак не можем разыскать его в Лондоне. Если его машина на месте, он, скорее всего, поехал поездом.

Лицо ее прояснилось.

– По-моему, он сам сел за руль, сэр. Обычно он предпочитает путешествовать так.

– Тогда он, вполне вероятно, заехал в гости к знакомым.

– Возможно. В Лондоне его еще несколько дней не ждали.

– Вы видели, как он уезжал?

Нэн отвернулась, а затем снова посмотрела на него.

– Он уехал вечером. Они с мисс Френч поссорились из-за того, что ей одной пришлось готовить дом к приезду мистера Трейнора. Я слышала, как он хлопнул дверью. Мисс Френч выбежала на крыльцо следом за ним. Потом она вернулась, отпустила меня на ночь и пошла в свою комнату. Мне показалось, что она плачет и не хочет, чтобы я видела.

– Мисс Френч часто ссорится с братом?

– Нет, сэр, нечасто. Просто ей кажется, что он не ценит всего, что она делает. Должна сказать, так оно и есть. Как-то она говорила мне, что не завидует мисс Таунсенд.

– Где молодые собираются жить – здесь или в Лондоне?

– Наверное, в Лондоне.

Поблагодарив ее, Ратлидж ушел.

Свернув на дорожку, Ратлидж увидел викария, мистера Уильямса, который ехал на велосипеде ему навстречу. Он притормозил. Уильямс остановился у металлических ворот.

– Вы нашли, что искали? – спросил викарий.

– Да, спасибо. Вы в Дедхэм? Могу вас подвезти.

– Как мило с вашей стороны! Можно привязать велосипед к багажнику?

– Да, веревка там. – Когда Уильямс привязал велосипед и сел в машину, Ратлидж сказал:

– Мы с Луисом Френчем знакомы недавно. Что он за человек?

– Вполне симпатичный. Но насколько мне известно, гордостью семьи считался старший брат, Майкл. Все возлагали на него большие надежды. К сожалению, он не вернулся с войны. Фирму возглавил Луис. С возрастом его припадки случаются все реже.

Ратлидж совсем забыл о припадках, а ведь мисс Френч о них упоминала!

– Припадки сильно его беспокоят?

– Как правило, не очень. Но пару раз были довольно сильными – когда он был чем-то огорчен. Один раз даже пришлось вызвать доктора Таунсенда, потому что Френч сильно прикусил себе язык. Я заметил, что вы задаете много вопросов об их семье и особенно о Луисе Френче. И внимательно слушаете, поощряя к откровенности. Наверное, пора спросить, кто вы такой?

Нечего делать, пришлось честно ответить викарию.

– Моя фамилия в самом деле Ратлидж. И я инспектор Скотленд-Ярда.

Викарий ошеломленно смолк. Инспектор покосился на пассажира и снова устремил взгляд на дорогу.

Он понял, что викарий пытается припомнить все, что он рассказывал Ратлиджу. Одинокий человек – признаков жены не наблюдалось, – он говорил свободно, доверяя своему чутью и общей вере в людей.

– Простите. Надеюсь, мои слова никому не причинят вреда, – сказал он наконец и замялся. – Раз в деле замешан Скотленд-Ярд, значит, наверняка кого-то убили. Вы приехали навести справки о жертве... или убийце? И какое ко всему отношение имеет семья Френч?

– На тихой лондонской улочке нашли мертвеца. Никаких документов при нем не оказалось, и мы терялись в догадках, пытаюсь понять, как он попал в то место, где он умер, и, самое главное, кто он такой. Но у него нашли довольно необычные часы. Тот, кто обшаривал его карманы, каким-то образом не заметил их. Или оставил их нарочно. Мы навели справки о часах, и оказалось, что их владелец – некий Луис Френч. Мы решили, что опознали неизвестного, но оказалось, что покойник – не Френч. И все же нам необходимо знать, откуда у него часы Френча. Найти самого мистера Френча нам не удалось. Как и машину, в которой он уехал из дома больше двух недель назад.

– Ну и ну! – Усвоив услышанное, Уильямс покачал головой. – К сожалению, я вам ничем помочь не могу. А вы не пробовали спросить мисс Таунсенд? Может быть, она знает, куда поехал Френч? Вряд ли он сорвался бы с места просто так, по какому-то капризу, ничего не сказав ей. Насколько я понял, он рассчитывал пробыть в Эссексе неделю, не меньше. Такое впечатление у меня сложилось, когда он приходил на службу в первое воскресное утро после приезда из Лондона. Он говорил, что дом одного из его фермеров-арендаторов неожиданно пришел в негодность. Там, кажется, завелся жук-древоточец. Он собирался нанять плотника из Дедхэма, чтобы заменить зараженную древесину.

– Нанял? Вы не знаете?

– Да, наверное, потому что через несколько дней, возвращаясь от одного прихожанина, я видел, как на дорожку, ведущую к ферме, поворачивает подвода плотника.

В том-то и дело – в такой маленькой деревушке, как Сент-Хилари, от соседских глаз нигде не укрыться. С другой стороны, если Френч поехал в Лондон, ему нужно было повернуть в другую сторону – на Дедхэм.

– Судя по всему, он заехал навестить каких-нибудь знакомых по пути в Лондон, а поскольку в фирме «Френч, Френч и Трейнор» его не ждали, он и не подумал никому сообщать о том, что у него изменились планы. И все-таки его поведение кажется мне странным. Гудинг, старший клерк лондонского отделения, не получал от него известий, а ведь Френч распорядился провести сюда телефон главным образом для того, чтобы оставаться на связи с конторой, когда он в Эссексе.

– Мне это что-то не нравится. Совсем не нравится!

– Теперь вы понимаете, почему меня прислали в ваши края. До сих пор я считал, что не нужно напрасно никого тревожить. С другой стороны, важно как можно скорее начать поиски. Френча могли подстеречь где-то по дороге и ограбить. Возможно, он... тяжело ранен и не может сообщить, что с ним случилось.

– Вы беседовали с нашим констеблем в Сент-Хилари?

– Вчера я заезжал в участок, но его не оказалось на месте.

– Правда, вряд ли он вам чем-то поможет, – скептически продолжал Уильямс. – Свой участок он знает, и, если бы что-то случилось с Френчем возле Сент-Хилари, он был бы в курсе дела... Он человек бдительный. Но ведь, если я не ошибаюсь, он ничего вам не сказал?

– У него не было повода искать Френча. Придется начать с тех мест, где его видели в последний раз... – Молчание затянулось. Ратлидж решил, что викарию еще не приходилось

сталкиваться с умышленным убийством. Во всяком случае, такая мысль явно не посещала его. Он решил сменить тему. – Вы, случайно, не знаете... у отца Френча... или даже у его деда не было романа с другой женщиной?

– Романа... нет, насколько мне известно. И сплетен про них я не слыхал. При чем здесь убийство?

– Иногда те, кого не упомянули в завещании, бывают мстительными. Насколько я понимаю, золотые часы считаются семейной реликвией. Может быть, как реликвия они обладают гораздо большей ценностью, чем просто дорогая вещь. Вор понимал, что продать часы ему вряд ли удастся: любой ювелир наверняка заподозрит неладное.

– Понимаю, куда вы клоните. Тогда почему у человека, найденного в Лондоне, изъяли все документы, бумаги, опознавательные знаки?

– Возможно, кто-то другой нанял его для кражи часов. А когда дело дошло до расплаты, вор пожалничал.

А может быть, убийца решил, что вор слишком много знает?

– Тогда почему убийца оставил вору часы?

– Потому что часы – вещь очень приметная. Особенно если что-то случилось с их законным владельцем, Луисом Френчем.

– Подумать только! Теперь я понимаю, почему вы до сих пор не хотели поднимать тревогу. И еще я понимаю, зачем Агнес Френч поехала в Лондон. Раз ее брата здесь нет, он, скорее всего, в Лондоне. Рад буду помочь вам, чем смогу. Но сначала... извините, не могли бы вы показать мне свое удостоверение? Надеюсь, вы не станете на меня сердиться?

Ратлидж притормозил у обочины. Они почти доехали до Дедхэма, а здесь было самое широкое место на дороге. Он достал удостоверение и протянул Уильямсу. Викарий внимательно изучил его и вернул Ратлиджу:

– Спасибо. А знаете, вы – первый человек из Скотленд-Ярда, с которым я познакомился.

Ратлиджу показалось, что Уильямс еще сам толком не понимает, как отнестись к новому знакомству: как к чести или, наоборот, к невезению.

Помолчав, викарий продолжал:

– Откровенно говоря, не представляю, чем я могу вам помочь. Ни у одного из моих прихожан нет страшных тайн, которые могли бы привести к убийству.

Ратлидж задумался. Если кому-то из прихожан есть что скрывать, вряд ли он доверится Уильямсу. Для бывшего фронтовика, который решил посвятить себя служению Богу, викарий довольно наивен.

– В ваших краях наверняка есть хорошие знакомые семейства Френч. – Ратлидж снова притормозил, плавно въезжая в Дедхэм.

– С Майклом я, разумеется, не был знаком. Но еще жив его домашний учитель – репетитор. Он живет в домике неподалеку от Френчей. Кажется, он учил не только Майкла, но и Луиса. Еще жива старая гувернантка мисс Френч, правда, голова у старушки уже не такая ясная, как прежде. Да, прискорбно, но преклонный возраст дает о себе знать... Майкл Френч навещал своего наставника всякий раз, как приезжал в отпуск; во всяком случае, так мне говорила мисс Френч. А Луис, к сожалению, считает его занудой и не заходит к нему. Мне очень жаль.

– Спасибо... Надо будет и мне зайти к наставнику, если что-либо не выяснится в самом ближайшем будущем.

– Хотите сказать – если не окажется, что Френч умер? Господи спаси, надеюсь, что этого не случилось.

После того как Ратлидж помог Уильямсу отвязать велосипед, викарий вдруг сказал:

– А знаете, ведь есть еще один человек, хорошо знакомый с Френчами. И как я сразу о ней не вспомнил? Сначала она была невестой Майкла, потом приняла предложение Луиса...

но позже неожиданно разорвала помолвку. Она хорошо знает всех Френчей. Возможно, она вам поможет.

Глава 7

Уильямс назвал ему имя и фамилию: Валери Уитмен. Она жила в деревне Сент-Хилари, и, по словам викария, найти ее дом не составляло труда, так как он стоял напротив церкви.

Агнес Френч тоже упоминала о ней во время их первой встречи... Она сказала примерно так: если бы с ее братом что-то случилось в Сент-Хилари, она бы первым делом стала подозревать его бывшую невесту. Но тогда Ратлидж еще считал, что Френч погиб и лежит в покойницкой лондонской больницы.

Уильямс же сказал нечто другое. По его словам выходило, что Френч не бросал невесту. Помолвку разорвала сама мисс Уитмен.

Ратлиджу отчего-то больше хотелось верить викарию, чем Агнес Френч. Та, естественно, встала на сторону брата. И все же... Ревность частенько служит мотивом для убийства. В конечном счете не важно, кто разорвал помолвку. Важнее то, что случилось потом.

Ратлиджу казалось, что он уже обращал внимание на домик Уитменов – красивый коттедж с плетистыми розами, увивающими южную стену и парадное крыльцо. Хотя коттедж не шел ни в какое сравнение с особняком Таунсендов в Дедхэме, он был достаточно просторным и уютным и свидетельствовал о том, что мисс Уитмен – ровня Луису.

Но тут возникло одно затруднение. Если к мисс Таунсенд, к горничной мисс Френч и даже к викарию он мог обратиться под тем предлогом, что не может разыскать Френча, мисс Уитмен едва ли можно спрашивать, знает ли она, куда подевался ее бывший жених. Со слов мисс Таунсенд и викария Ратлидж заключил, что после разрыва Луис Френч и мисс Уитмен не общались. К тому же он не знал, на каких условиях они расстались и какие чувства теперь питала к Френчу его бывшая невеста.

Если верить Агнес Френч, Валери Уитмен готова была его убить.

Он тяжело вздохнул. Ужасно не хотелось объясняться с бывшей невестой пропавшего Френча. Особенно в самом начале пути, когда еще почти ничего не известно.

Машину он оставил у дома священника, а сам решил пройти к дому Уитменов напрямик, через кладбище. По пути он не спускал взгляда с парадной двери.

Его бдительность окупилась. Из домика вышла молодая женщина со срезанными цветами в руке; она прошла по дорожке к садовой калитке.

Ратлидж не был уверен, что перед ним Валери Уитмен. Он забыл спросить Уильямса, нет ли у нее сестер. Но надо же было с чего-то начинать!

Выйдя за калитку, девушка с цветами направилась к соседнему домику, стоявшему у поворота на главную улицу, и поднялась на крыльцо. Ратлидж обошел церковь, чтобы лучше видеть. Дверь открыли; девушка провела у соседей минут пятнадцать и вышла без цветов.

Он приготовился заранее. Выйдя из убежища под старым, раскидистым кленом, он рассчитал время так, чтобы встретить ее на пути к дому.

Сняв шляпу, он улыбнулся и сказал:

– Моя фамилия Ратлидж. Я из Скотленд-Ярда.

Волосы у нее оказались темно-русыми; отдельные пряди на солнце отливали золотом. А глаза у нее были светло-карие, с темно-карими и золотистыми пятнышками. Ее нельзя было назвать красавицей в общепринятом смысле слова – в отличие, например, от мисс Таунсенд. И все же Ратлидж не мог отвести от нее взгляд. Что-то в ней будет приковывать к себе взгляды мужчин, даже когда она состарится.

– Из Скотленд-Ярда? Не представляю, с чего вам вдруг вздумалось заговорить со мной. – Она прошла мимо, открыла калитку и направилась к двери, но Ратлидж окликнул ее:

– Мисс Уитмен!

Она быстро развернулась; взгляд у нее сделался настороженный.

– Откуда вы знаете, как меня зовут?

– Я же сказал. Я полицейский. Знать такие вещи – моя работа.

– Тогда что вам нужно?

– Я ищу Луиса Френча. Мне необходимо срочно переговорить с ним. Не исключено, что он попал в беду. И если так, я надеюсь, что еще успею ему помочь.

– Если он попал в беду, я последняя, к кому он обратился бы за помощью. Раз уж вы узнали, как меня зовут, вы, наверное, выяснили и кое-что другое... С чего вы взяли, что я могу что-то сказать о нем? На полдороге между нашей деревней и Дедхэмом живет его сестра. Поговорите лучше с ней.

– Мисс Френч сейчас в Лондоне. Я спросил викария, мистера Уильямса, есть ли в Сент-Хилари люди, хорошо знающие Френчей. И он назвал мне вас.

– Но он знает, что я... отдалась от семьи Френч. – Мисс Уитмен покачала головой.

– Но когда-то были с ними хорошо знакомы. Вы были помолвлены с обоими братьями.

– Майкл уходил на фронт. Мы знали друг друга много лет, и нам тогда казалось естественным дать друг другу слово. Сейчас не могу сказать, была ли то любовь или потребность найти хоть какую-то опору в то время, когда мир рушился... Потом Майкла убили. А Луис... По-моему, он сделал мне предложение, потому что всегда хотел то, что было у его брата. А как только получал желаемое... в данном случае меня... быстро охладевал.

– Но ведь вы, кажется, приняли его предложение добровольно?

– Смерть Майкла стала для меня страшным ударом. По глупости мне показалось, будто моя жизнь кончена. Дедушка уверял, что с Луисом я буду счастлива. Разумеется, он был добрым, заботливым, и все же... Стольких моих друзей убили! Убили тех, с кем я была знакома с детства. Как и Майкл, они отправились на войну весело, словно их ждало большое приключение. А потом они по одному начали погибать. В Монсе, на Ипре, Сомме... Ужас, которому не было конца. Три мои подруги овдовели...

Валери Уитмен смолкла и посмотрела на него в упор.

– Не понимаю, зачем я вам все это рассказываю? Мои слова не помогут вам найти Луиса.

– Вы сказали, как только он получал то, что было у Майкла, оно ему быстро надоедало. То же самое относится и к фирме? – Ее слова вполне могли объяснить исчезновение Луиса Френча.

Мисс Уитмен ответила не сразу.

– В то время фирма казалась ему новой игрушкой... А что сейчас? Не могу вам сказать. Спросите лучше мисс Таунсенд.

– Я уже говорил с ней. В последний раз, когда она с ним виделась, Френч показался ей таким же, как всегда. Может быть, она ему тоже надоела.

– Вряд ли. Она ведь никогда не принадлежала Майклу. – Валери бегло улыбнулась, и глаза ее потеплели. – Во всяком случае, ее он вряд ли бросит. Видели бы вы ее отца!

Ратлидж видел отца мисс Таунсенд. Может быть, доктор Таунсенд – еще один повод внезапно исчезнуть?

Нет... вряд ли Луис отказался бы от фирмы и положения в обществе. Наверное, легче жениться на мисс Таунсенд, отвезти ее в Дедхэм, к родителям, а самому продолжать жить в Лондоне как ему заблагорассудится. Но так ли легко ему удалось бы избавиться от жены, как от сестры? Все зависит от характера мисс Таунсенд. И от того, обрадовался бы ее отец, если бы дочь по-прежнему жила в родительском доме.

Мисс Уитмен развернулась, собираясь войти в дом. Ратлиджу хотелось подольше поговорить с ней, но его раздумья были прерваны вопросом Хэмиша об отношениях между Луисом Френчем и его невестой.

«А тот мертвец?»

Неожиданно для себя Ратлидж признался:

– Я отвез мисс Френч в Лондон, потому что на одной лондонской улице нашли покойника... У нас были основания полагать, что этот покойник – Френч.

Валери Уитмен снова повернулась к нему.

– Там в самом деле был Луис? – Лицо ее оставалось непроницаемым. Шляпка затеняла глаза, и он не видел их выражения.

Нужно ли ей это было знать в самом деле? Боялась ли она его возможного ответа? Или спрашивала только из любопытства?

– Она очень отважно вошла со мной в больничный морг. Видите ли, мы не нашли у покойного никаких документов, зато в кармане у него лежали часы Луиса Френча. – Он глубоко вздохнул. – Это оказался не ее брат.

Мисс Уитмен немного помолчала и спросила:

– Тогда откуда у неизвестного часы Луиса? Не понимаю. Значит, вот на что вы намекали, когда сказали, что Луис, возможно, попал в беду? Вы думаете, что он имеет какое-то отношение к гибели вашего неизвестного?

– Не знаю. Однако, по словам мисс Френч, ее матушка всегда подозревала ее отца в неверности...

– Да, я помню, – перебила его мисс Уитмен.

Она стояла у крыльца, и солнечные зайчики играли в ее волосах. Она задумчиво смотрела на Ратлиджа, прикусив губу.

Ратлидж ждал.

Наконец Валери сказала:

– К себе я вас не приглашаю. Давайте пройдемся по кладбищу.

Ратлидж удивился, но постарался не подавать виду. Он придержал перед ней калитку. Они молча перешли дорогу и вошли на кладбище. Деревья почти не защищали от солнца.

– Покажите документы, – вдруг приказала она, и Ратлидж протянул ей удостоверение.

Вернув его, Валери Уитмен сказала:

– Я поговорю с вами ради Агнес, но не ради Луиса. Когда-то очень давно мы с Агнес дружили... Она ухаживала за матерью, хотя миссис Френч часто не узнавала ее – в отличие от сыновей, которых она не забывала никогда. Миссис Френч была нервной и болезненной; она доставляла немало хлопот мужу и детям. Вполне понятно, что мистеру Френчу не очень хотелось подолгу бывать дома. И его жена вообразила, что у него есть любовница – в Лондоне, на Мадейре, даже в Лиссабоне, куда он иногда уезжал по делам. Мне всегда казалось, что это неправда. Как ни странно, мистер Френч был очень предан жене.

– Ваш рассказ проливает свет на то, что я недавно услышал. Мне говорили, что любовница была у ее свекра, Хауарда Френча, когда он еще был молод. И у него родился внебрачный ребенок, которого быстро усыновили. Естественно, я предположил, что мертвец из Челси – потомок того ребенка. Внешне он немного напоминает Хауарда Френча, чей портрет я увидел в конторе «Френч, Френч и Трейнор». Более того, именно сходство в сочетании с часами, принадлежащими Френчу, и подтолкнуло нас на его поиски. Но Луис Френч бесследно исчез – вместе со своей машиной.

– Ну да, разумеется! Если он куда-то поехал, то на автомобиле. Он терпеть не мог поезда. Раз его машины нигде нет, он наверняка куда-то отправился по личному делу.

Они дошли до родовой усыпальницы Френчей. Валери Уитмен бросила на него грустный взгляд. Ратлидж понял, что она ускользает от него, что ее мысли устремились в другую сторону.

– Было бы неплохо, если бы все оказалось так просто, – сказал он вслух, отвечая на ее предположение насчет личного дела. – Вы упомянули своего дедушку. Есть ли у вас другие родственники?

– Говорить о себе я не соглашалась, – резко ответила мисс Уитмен, разворачиваясь к нему.

– По вашим словам, в прошлом вы дружили с Агнес. Из-за чего вы поссорились?

Мисс Уитмен не ответила, и Ратлидж продолжал:

– Из-за вашей помолвки с Майклом – или из-за разрыва с Луисом?

Мисс Уитмен покачала головой:

– Не знаю. Просто внезапно она охладела ко мне. Может быть, Луис ей что-то сказал. Я старалась делать хорошую мину при плохой игре, но, видите ли, дело в том, что мне дали отставку. Да, Луис был джентльменом, он позволил мне самой отказаться от помолвки. Как-то днем пришел ко мне и сказал: «Я передумал. Мне кажется, что мы с тобой не сойдемся характерами... Кроме того, я полюбил другую. Решить, почему мы раздумали жениться, предоставляю тебе». Я ответила: «Что ж, хорошо... раз ты так хочешь». Он ответил: «Да, хочу». Я вернула ему кольцо, он поблагодарил меня, холодно поклонился и ушел. Вот и все.

Ратлидж поймал себя на мысли: «Луис Френч – дурак».

На него сразу нахлынули горькие воспоминания. Джин оставила его чуть ли не с радостью. Она разорвала помолвку, не предупредив его. Правда, он и сам прекрасно понимал, что не имеет права жениться в том состоянии, в каком он находился весной 1919 года. В первый и единственный раз, когда Джин пришла навестить его в клинику, она так спешила уйти... Теперь Ратлидж понимал, что все к лучшему, но тогда он никак не мог смириться с предательством. После тяжелой контузии он не мог ни есть, ни спать, ни думать. С жизнью его связывала только надежда на счастливое будущее...

Многое он бы сейчас отдал, чтобы узнать, как отнеслась к предательству жениха Валери Уитмен. Пострадала только ее гордость или боль оказалась гораздо глубже? Он пережил нечто подобное, когда Мередит Ченнинг уехала в Бельгию, чтобы ухаживать за своим внезапно найденным мужем.

«Оскорбленная женщина...» – заговорил Хэмиш, и Ратлидж вздрогнул от неожиданности, невольно покосившись на мисс Уитмен – вдруг она тоже услышала. Но она смотрела на колокольню, над которой с карканьем кружились две вороны.

– Они свили там гнездо, – сказала она, явно не желая говорить на прежнюю тему. – Ну, мне пора. – И она повернула в сторону главной улицы.

– Я провожу вас до вашей калитки, – предложил Ратлидж, идя за ней, хотя его машина стояла в другой стороне. – Если вспомните что-нибудь, что может навести нас на след Луиса Френча, пожалуйста, разыщите меня. Я снял номер в Дедхэме, в гостинице «Солнце».

– Вряд ли я что-то вспомню, я ведь уже вам говорила. Вы лучше расспросите мисс Таунсенд.

На сей раз он расслышал в ее голосе злость.

Они молча дошли до ее забора. Ратлидж распахнул перед ней калитку. Перед тем как закрыть ее за собой, Валери Уитмен сказала:

– Пожалуй, лучше никому не рассказывать о том, что я с вами беседовала. Я не имею права обсуждать с кем-либо семью Френч.

– В этом нет необходимости, – согласился Ратлидж. – Никто не узнает.

– Не стоит ничего говорить даже мистеру Уильямсу, – продолжала Валери Уитмен, подумав. Она склонила голову набок, и солнце снова принялось играть с ее золотистыми прядями. Интересно, подумал Ратлидж, знает ли она, как выглядит в лучах солнца? – Мне кажется, иногда он забывает, что его обязанности не сводятся к одной только тайне исповеди.

Хэмиш напомнил Ратлиджу: с ним викарий и правда был чрезмерно откровенен, ведь гость из Лондона оказался таким внимательным слушателем...

Почему мисс Уитмен с ним откровенничала? Может быть, на то у нее имелись свои причины? Не произнесла больше ни слова, она ушла и до самого дома ни разу не оглянулась. Ратлидж подождал, пока за ней закроется дверь, и еще немного постоял у ее калитки.

По пути к машине он, удивляясь самому себе, думал: будь он на месте Луиса Френча, ни за что не предпочел бы мисс Таунсенд мисс Уитмен.

В гостинице имелся телефон. Приехав туда, Ратлидж вошел в тесную телефонную кабинку и позвонил на работу. Когда по его просьбе разыскали сержанта Гибсона, тот сообщил Ратлиджу:

– Вам интересно будет послушать биографию мистера Белфорда. – Не дожидаясь ответа, он продолжал: – Он служил офицером в отряде пешей военной полиции.⁵

Теперь понятно, почему Белфорд так умело описал обстановку на месте происшествия. Он привык излагать факты кратко и четко – для следствия.

– Что-нибудь еще?

– Пока нет. Если верить полученным мной сведениям, послужной список у него безупречный. И не похоже, чтобы у него имелись связи с фирмой «Френч, Френч и Трейнор». Хотя он, что интересно, бывал в Лиссабоне. Кажется, в связи с розыском дезертира...

Хоть какая-то пища для ума, хотя Ратлидж еще не готов был увидеть тут связь. И все же... если Белфорд убил того несчастного, вполне логичными кажутся его попытки сбить Скотленд-Ярд со следа.

Но Белфорд не стал сбивать их со следа. Возможно, он знал мертвеца... Если так, откуда у покойника часы?

– Френч не появлялся в своем лондонском доме или в конторе?

– Мы попросили констеблей на обеих улицах следить, не появился ли он. Они отчитываются ежедневно. Пока его не видели. А констебль в Сити, который обходит участок рядом с его конторой, иногда заходит в соседнюю фирму, где у него служит знакомый. По словам этого знакомого, старший клерк никак не может связаться с мистером Трейнором. Гудинг собирался сообщить ему, что здесь происходит, но очень расстроился, так как не застал мистера Трейнора.

Старший клерк остался совершенно один. На него давит груз ответственности. Он предпочел бы, чтобы ему указали, в каком направлении двигаться, но сплетничать не станет – он не из таких. Со знакомым констеблем из соседней конторы болтал кто-то из младших клерков фирмы «Френч, Френч и Трейнор». Гудинг не обрадуется, когда узнает. И все же у констебля появились хоть какие-то сведения.

– У вас есть что-нибудь новое для меня? – спросил Ратлидж.

– Пришел еще один ответ на наш запрос из Норфолка. Они спрашивают, известно ли нам что-нибудь об их пропавшем. Он до сих пор не найден. А полиция Девона прислала нам сведения еще об одном человеке... Скорее всего, он нам не подходит.

– У меня и здесь пока дел хватает.

Ратлидж положил трубку на рычаги и направился к выходу. На пороге он едва не столкнулся с мисс Френч.

Он догадался, что она приехала утренним поездом, потому что одета была еще в дорожное платье. Нанятый автомобиль доставил ее к дверям «Солнца».

После того как тень Ратлиджа упала на дорожку, она вскинула голову и разочарованно воскликнула:

– А, это вы!

Может быть, она рассчитывала встретить кого-то другого?

– Вы нашли моего брата?

---

⁵ Королевская военная полиция состоит из конной военной полиции и пешей военной полиции. В 1914 г. их общая численность составляла 5 тыс. человек. После битвы при Монсе отряды военной полиции возвращали в части солдат, заблудившихся при отступлении. Кроме того, они разыскивали дезертиров и покинувших свои части без уважительных причин.

– Еще нет.

Мисс Френч раздраженно нахмурилась:

– Как это похоже на Луиса! Все должны вокруг него плясать... А может, он заехал к Генри Джессапу? Они вместе учились в Кембридже, а в ноябре Генри женился. Луис думал, что Генри попросит его быть его шафером.

– Где я могу найти Генри Джессапа?

Мисс Френч нахмурилась:

– Кажется, он живет неподалеку от Хатфилда. Он адвокат. По словам Луиса, Генри не отличался большим умом. И все же вступил компаньоном в отцовскую фирму, так что теперь уже, наверное, не важно, умен он или нет.

– Вы с ним знакомы?

– Нет, Луис почти никогда не приглашал домой друзей. В конце жизни мои родители тяжело болели; молодым людям, которые надеются весело провести выходные за городом, вряд ли приятно целыми днями ходить на цыпочках из страха разбудить инвалида. Да и охоты у нас нет; им нечем развлечься. – Агнес Френч огляделась по сторонам. – Я пропустила завтрак; в поезде невозможно есть – там ужасно трясет. А Нэн меня не ждет.

Сухо кивнув, она прошла мимо него и направилась к ресторану.

Ратлиджу понадобилось двадцать минут на то, чтобы найти фирму «Джессап и Джессап». Джессапы в самом деле жили в окрестностях Хатфилда. По телефону ответил женский голос; Ратлиджа спросили, по какому он делу.

Не представившись, он попросил позвать к телефону мистера Джессапа-младшего.

– Он только что пришел... Минутку, пожалуйста.

Голос у Джессапа оказался хрипловатым; судя по всему, он еще не до конца выздоровел после летней простуды.

– Я ищу Луиса Френча по срочному делу. Он, случайно, не у вас?

– Гудинг, это вы? У вас какой-то странный голос, – ответил Джессап.

– Моя фамилия Ратлидж.

– А-а-а... Нет, Френча здесь нет. Он не заезжал к нам уже несколько недель.

– Мы решили, что по пути в Лондон он заехал к кому-то из друзей, никому не сказав – ни мистеру Гудингу, ни сестре.

– Понимаю. Да, в самом деле, проблема! Желаю вам удачи. Очень жаль, что ничем не могу помочь.

Ратлидж положил трубку. Он не думал, что Джессап лжет. Но тогда где же Френч?

Выходя из телефонной будки, он посмотрел в сторону ресторана и увидел мисс Френч. Она подозвала к столику официанта и показывала что-то на своей тарелке. Ратлидж вздохнул. Агнес Френч, похоже, вечно чем-то недовольна. После того как официант унес тарелку, она мрачно уставилась на свою чашку, как будто и чашка ей чем-то не угодила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.